

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

18+

Эли Фрей

#МЫ, ДЕТИ ЗОЛОТЫХ
РУДНИКОВ

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «МОЙ ЛУЧШИЙ ВРАГ»

Эли Фрей

#Мы, дети золотых рудников

Серия «#ONLINE-бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23312250

Мы, дети золотых рудников: Издательство АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-098032-1

Аннотация

Кит живет в нищем шахтерском поселке, а Ханна – в расположенном по соседству элитном городке нефтяников. Между ними высокий забор, огромная социальная пропасть и чувства, не имеющие права на существование.

Друзья детства Кирилл и Архип живут в шахтерском поселке. Будущее обоих определено заранее: работа в шахтах и жизнь в нищете. Но однажды одному из них выпадает шанс выбраться из этого болота. И тогда друзья становятся заклятыми врагами.

Это роман о дружбе и предательстве, о детской жестокости и дворовых войнах, о социальном неравенстве и конфликтах, о надеждах и несбывшихся мечтах. И о запретной любви к человеку, живущему в другом мире, – мире за высоким забором.

Содержание

Мы, дети золотых рудников	5
Пролог	5
Часть первая. Бобер	18
Глава 1	18
Глава 2	32
Глава 3	53
Глава 4	71
Глава 5	89
Глава 6	96
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Эли Фрей

Мы, дети золотых рудников

* * *

© Эли Фрей, 2016

© А. Прошин, карта, 2017

© А. Букреева, фотография на обложке, 2016

© Л. Синельников, модель на обложке, модельное агентство SuperModels, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Мы, дети золотых рудников

Книга первая

Киту, парящему внутри нас.

Свобода – как солнце. Лучшее нее нет ничего на свете. У тех, кто жертвует собой ради людей, в груди вместо сердца горит звезда...¹
Жоржи Амаду. Капитаны песка

Пролог

У-у-у... Парнишка, беги отсюда! Этот злощип и кусачий мир, про который я тебе сейчас расскажу, точно не для тебя. В этом мире выживают только парни вроде нас. Ребята с накрепко пришитыми к нашей одежде бирками:

ИЗГОЙ.

СОЦИАЛЬНЫЙ МУСОР.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БРАК.

ПОДЛЕЖИТ УТИЛИЗАЦИИ.

Парни вроде нас. Дети из Чертоги. Потомки ссыльных и каторжан.

Дети, которых выкормили и воспитали шахты.

---

¹ Перевод с португальского Е. Беляковой.

Да, это мы.

Мы, дети золотых рудников.

Дай мне руку, парнишка. Или ты девчонка? Если девчонка – не обижайся, но я все равно буду звать тебя парнишкой. Я проведу тебя в свой мир. Мир, в котором ты никогда не был.

Отправимся на окраину Чертоги, на баржу.

Видишь эту ржавую посудину? Эта баржа некогда стояла в чистых голубых водах, заполнявших огромный карьер. А теперь она погрязла в щелочно-цианистых отходах золото-перерабатывающего комбината. Этот отстойник с отходами чертовски опасен, возле него стоят лишь иссохшие скелеты деревьев, а на его берегах частенько можно обнаружить птичьи трупы.

На комбинате работает все наше чертожское бабье. Мужики у нас на рудниках вкалывают, золотую руду выкапывают, а бабоньки ее в золото перерабатывают. Занятие это довольно вредное: они добытую руду цианируют и выщелачивают, отходы сливают в отстойник, который залит уже до краев и скоро выйдет из берегов. И тогда потоки химической дряни затопят город.

Видишь на барже толпу мальчишек? Все они смотрят вниз, улюлюкают и веселятся. Подойди поближе, и ты увидишь, как у самого края баржи белобрысый мальчишка с перекосенным от ярости лицом пытается, держа его за шею, утопить в шламе другого мальчишку.

Другого мальчишку зовут Кирилл Бобров. Вот, теперь ты познакомился со мной. Ты пока что видишь только мои ноги – белобрысый по-хозяйски сидит на них. А все туловище погружено в буро-зеленую густую массу высокотоксичных отходов. Руки белобрысого крепко держат меня за шею, не давая поднять голову над поверхностью отстойника и глотнуть спасительного воздуха.

Клейкая цианистая дрянь проникает в нос и рот, ужасно жжет во рту, в носу и глазах. Я колочу по чужим рукам, царапаю их, пытаюсь оторвать их от меня.

Я боюсь. Мне страшно быть погребенным под толщей отходов.

Еще несколько секунд – и мне капец. Цианистый калий, содержащийся в этом шламе, скоро поступит в мой организм и перегородит воздуху путь к клеткам. В результате этого клетки перестанут воспринимать кислород, приносимый кровью. Наступит кислородное голодание. Я умру в мучительной агонии.

А чужие руки сдавливают шею все сильнее.

Это руки человека, который когда-то был моим лучшим другом.

Хм. Есть ли где-то на Земле такое райское место, где друзья не топят друг друга в химическом болоте? Где дети не похожи на заболевших бешенством диких зверей?

Есть ли такое место, где парни вроде нас живут нормально, в достатке смогут просуществовать хотя бы до шестна-

дцати?

Я знаю одно такое место, правда, оно находится далеко, годах этак в десяти-пятнадцати отсюда. Там живешь ты. Или будешь жить, когда подрастешь.

Спокойный «маятниковый» образ жизни: работа – дом, поход в кино в пятничные вечера и боулинг по субботам, жизнь, в которой самая страшная опасность – это вовремя не внести платеж по кредиту.

О, вашу мать, как же я хочу туда, где нужно думать о том, как приобрести телевизор в рассрочку и как выкроить себе два дополнительных дня отпуска.

Но это так безумно далеко отсюда. Я буду топать в ту жизнь десять долбанных лет. И тысячи гребанных верст. А пока, здесь и сейчас, парни вроде нас должны как-то выживать... Даже с цианистым калием в крови.

Мы живем в месте под названием Чертога.

В восемнадцатом веке здесь открыли огромное месторождение золота. Из столичных тюрем сюда сразу же отправили целые полчища осужденных. На каторгу.

Осужденные шли пешком. Длинной узкой колонной. Всех сковали цепями друг с другом, чтобы никто не сбежал.

Восемь тысяч верст ссыльные шли почти три года – это нам по истории в школе рассказывали. И многие вроде как умерли от голода и болезней еще в дороге.

Те же, кто дошел, построили здесь город.

Чертога. Никто не знает, почему это место так называют –

то ли потому, что внешне неприветливые предгорья хранят в своем нутре огромное богатство – настоящие подземные чертоги. То ли... Могильная тишина этого места пробирает до мурашек. Как будто здесь находится обитель самого черта.

Город, построенный на холмах. А холмы у нас тут удивительные – покрытые яркой зеленью, покатые, похожие на волны. По ним туман стелется, как молочная пенка. Красотища. Хоть пиши картину маслом. Или стих сочиняй.

Справа от холмов – территория рудников. Расположенные на холмистых предгорьях здания, бункеры, подъемные установки, дробильные машины, мастерские и склады образуют надшахтный комплекс. А под землей – разветвленная сеть горных выработок – штольни и тоннели.

Чертога родилась благодаря каторжанам – это они ее выстроили.

Бараки, шахтные постройки, железные дороги, первый завод. Что-то из этого уже разрушено и заброшено, но большинство построек сохранилось. Мы с Архипом в детстве все неработающие шахты в округе излазили. Надеялись найти что-то удивительное – либо послание от каторжан, либо золотой самородок. Ничего не попало, конечно, но эмоции все равно били через край.

Архип... Почему конец дружбы означает у нас чью-то смерть? Почему бы людям, переставшим быть друзьями, просто не вернуть все посланные друг другу подарки и от-

крытки? И просто перестать разговаривать и замечать друг друга? Ведь так обычно поступают с бывшими друзьями.

Почему надо убивать, топить друг друга?

Откуда в нас, жителей Чертоги, столько неоправданной жестокости?

Эх, чтобы разобраться в этом вопросе, наверное, надо копнуть глубже в историю.

Первые три сотни ссыльных построили здесь селение, которому дали название Чертога. Золота добывалось много, создавались новые шахты. Поселок рос. Возводились новые прочные дома, появились школа и больница, сменялись поколения, Чертога процветала.

Но все имеет предел, и наступило время, когда золотая руда в доступных местах подошла к концу. Добыча золота стала убыточной, и власти начали подумывать о закрытии предприятия. Но это ставило под угрозу жизнь всей Чертоги – три тысячи человек могли остаться без работы. Им было некуда деться – в округе на сотню миль не было ничего, ни одного рабочего места. Они бы пропали, померли бы с голоду.

Власти приняли решение: рудники оставить, но расходы сократить.

Стали урезать зарплату, сокращать финансирование производства. Эх, столько подземных машин пропало – их просто перестали ремонтировать. Мы с Архипом, когда лазили в шахтах, обычно находили много разной техники – причем

хорошей, просто съеденной временем.

Чертога стала приходиться в упадок. И снова золото начали добывать и обрабатывать по старинке – вручную.

Вот в такой Чертоге мы выросли. Бедность. Грязь. Ветхие дома. Разбитые дороги. Безработица. Преступность. Ежедневное насилие. Частые убийства.

Человек, который не уверен, сможет ли он завтра поест, вряд ли всегда будет добрым. Нельзя осуждать людей за их злобу.

Но злоба в сердца чертожцев вселилась не только из-за бедности....

Я захлебываюсь густой массой. Молочу ногами по барже – противник уверенно сидит на мне и погружает мою голову в вонючий ядовитый шлам. Все глубже. Вниз, к смерти.

Химическая отравка колет кожу. Я будто ткнулся мордой в муравейник.

Воздух. Мне так нужен воздух. Еще немного – и я отключусь.

Ты не устал еще от нудной истории, парнишка? Потерпи, урок скоро кончится. Пока я тут принимаю токсичные ванны, дослушай до конца...

В девяностых годах одна богатая американская корпорация отправила сюда иностранную бригаду, чтобы вести геологоразведочные работы. Началось бурение скважин. Работа оказалась успешной – открылось новое нефтяное месторождение.

Чертожцы с любопытством и опаской наблюдали за работой нефтяной компании. В сердцах жителей зародилась надежда на то, что появятся новые рабочие места, на светлое будущее... Но она угасла очень быстро, когда корпорация, опасаясь, что дикие местные жители, недалекие потомки ссыльных и каторжан, могут нанести урон ее работе, отгородила территорию нефтедобычи сетчатым забором и ввела пропускную систему. Месту, где вырастет нефтяной городок экспатов, дали название Голубые Холмы.

И тогда отравленные токсинами жители Чертоги смекнули.

Прорыв в экономике, коммерческий успех, колоссальные инвестиции, современная сложная техника, квалифицированные работники, строительство дорог, развитие инфраструктуры – все это относится к экспатам и Голубым Холмам, соседу Чертоги. Но не к самой Чертоге.

Три тысячи людей, не знающие иностранного языка, которые все привыкли делать руками, которые не видели машины сложнее экскаватора – все они обречены, всем им и дальше предстоит гнить в их болоте. Они никому не нужны – нефтяная корпорация из разных частей мира привезет сюда своих работников, умнейших и лучших.

И тогда гнев чертожцев обрушился на соседей.

В Голубых Холмах построились первые дома. Фирменные автобусы привезли сюда первые семьи работников.

Чертожцы заваливали камнями новые дороги, вставляли

перед автобусами, не пускали новоселов.

Поджоги, вандализм, митинги, на которых чертожцы кричали с яростью и злобой, выступая против того, чтобы по соседству с Чертогой строился новый поселок.

Недолго подумав, корпорация построила за сетчатым еще один забор – теперь уже глухой, из прочного бетона, поставив по всей его длине камеры, а также устроив несколько охраняемых пропускных пунктов.

В объезд Чертоги быстро проложили другую дорогу, чтобы жителей Голубых Холмов ничего не связывало с соседями.

Через три года строительство Голубых Холмов завершилось.

Теперь здесь живут люди со всего мира – из Америки, Германии, Нидерландов, Швеции, Франции...

Что сказать, у них там все круто.

Изумительные дороги, гладкие, будто сделанные из зеркал. Аккуратные домики в английском стиле, с крышей из черепицы и каменным фасадом, выкрашенным в несколько тонов. Дома стоят как по линейке, будто выстроились в колонны и собираются куда-то маршировать. Возле домов красуется газон, с такой густой и ярко-зеленой травой, будто он находится в собственной климатической зоне, а холода и бури, которые так часто случаются в здешних местах, обходят его стороной.

При строительстве поселка ориентировались на самые вы-

сокие стандарты. Пожарные гидранты, водостоки, канализационные люки – все привезено из США. В каждом доме есть Интернет, ловят все главные международные телевизионные каналы. Нет трещин в стенах, кривых окон и плохо уложенного асфальта. В Голубых Холмах не воруют, дети спокойно оставляют на улице велосипеды и игрушки, жители не запирают свои дома.

На работу их возят на фирменных автобусах, водитель автобуса тщательно проверяет, пристегнуты ли пассажиры. Здесь все соблюдают законы, заботятся о безопасности своих семей.

В Холмах живут очень дружелюбные семьи, по воскресеньям в хорошую погоду они зовут друг друга на барбекю, в плохую – приглашают друг друга в гости.

Все свое, автономное, доведенное до совершенства. Голубые Холмы – это маленькая страна, идеальная и правильная.

Маленькая скучная община, огороженная прочным забором.

А за ее пределами – мир, где в грязи, болезнях и бедности свой убогий век влачат потомки каторжан.

Вот теперь, тебе, наверное, понятно, почему чертожцы так ненавидят экспатов.

Но я не экспат. И больше не чертожец. Чертов перебежчик. И нас таких тут двадцать человек...

Несколько лет назад власти приняли какую-то очередную социальную программу, направленную на сглаживание кон-

фликтов между двумя такими разными коммунарами. Они хотели, чтобы мы начали *коммуницировать*, то есть общаться. И чтобы преуспевающий поселок как-то помогал нам, бедным и обездоленным. И в результате, после отбора, два десятка смысленных подростков из Чертоги отправили учиться в школу в Голубых Холмах, чтобы, получив приличное образование и изучив иностранные языки, в будущем они смогли стать работниками корпорации.

Живем здесь, учимся там. Вот таких, как мы, чертожские дети ненавидят больше всего на свете. Тех, кто растет вместе с ними в одном болоте, но у кого появилась надежда выбраться из него.

И теперь они всеми силами пытаются не дать нам свободу. Крепко хватайся за мою руку. Мы отправимся на несколько лет в прошлое – когда Голубые Холмы только начали строиться. Мне тогда было лет восемь. В тот период я и познакомился с Архипом. Это было очень крутое время... У меня никогда в жизни не было такого классного друга, как Архип. А потом, когда я прошел отбор в школу в Голубых Холмах, дружба закончилась, и Архип очень захотел меня убить. Он стал убивать медленно, отрезая по кусочку.

Нам, перебежчикам, приходится несладко после отбора. У нас теперь всегда потные ладони, по всему телу – синяки, а сердце норовит вырваться из груди. Дети рудников нам мстят, причем жестоко. Мстят за то, что мы перестали быть с ними в одной лодке. Мы всегда начеку, в наших головах

ежеминутно крутится одна-единственная мысль: «Бежать».

Архип быстро нашел мне замену – его близким другом и верным псом стал этот ублюдок Кит Брыков. Бешеный псих с мутным взглядом. Ох, когда я вспоминаю это имя, сразу же в боку колет. Брык однажды своими тяжелыми ботинками сломал мне два ребра. Сейчас его на барже нет – но если бы он был, то не дал бы Архипу делать эту грязную работу, сам бы утопил меня в шламе. Но Брык где-то шляется... Даже не знает, что на барже сейчас происходит нечто интересное.

Итак, нас уже трое. Я, Архип и Брык.

Кто же четвертый?

На этот раз девчонка.

Милая немочка по имени Ханна. С очаровательными светлыми волосами, белесыми бровями, выдающимися скулами и таким острым подбородком, что мне всегда было интересно – если поднести воздушный шарик к подбородку Ханны, лопнет ли он?

Очаровательная девочка, переехавшая вместе с семьей в Голубые Холмы из промышленного района Франкфурта. Девочка, которой по непонятной причине не сиделось в ее уютной общине. Девочка, которой был чертовски интересен мир рудников.

Девочка, чью жизнь Архип очень старается превратить в ад. Он ненавидит Ханну так же, как и меня. За то, что она – немка. За то, что она – из Голубых Холмов. За то, что у нее есть все. За ее смелость и наглость – как она посмела поки-

нуть свои Холмы и ступить своей поганой экспатской ножкой на земли, принадлежащие рудокопам?! И самое главное – он ненавидит ее за то, что она – девчонка.

Ханна тоже находится сейчас на барже. Стоит чуть в стороне, трясется от страха. Вся в грязи. Губы разбиты – ей здорово досталось от Архипа.

Мы с ней оба попали в лапы зверю. Нам не выбраться. Я тону в химическом шламе и молю бога о том, чтобы Ханну миновала такая же участь.

Ну что, ты готов?

Хватайся, и я покажу тебе нашу историю. Историю четырех детей золотых рудников.

Часть первая. Бобер

Глава 1

Меня зовут Кирилл Бобров. Мне восемь лет, моя мать-подзаборница родила меня от прыщавого дегенерата и через некоторое время свалила с ним из Чертоги, прибавив старческой заднице дедушки двадцать кило молодого геморроя.

Я – эгоистичная сволочь, дегенерат во втором поколении, межеумок, не живу, а нежусь, как курочка в сметане, и даже не думаю о том, что дедушка пашет как раб на галерах, чтобы я каждый день жрал луковый суп с фрикадельками. Этими словами мой дед любит меня поносить, прерываясь на затяжные приступы кашля («Чертова асыма! Проклятые рудники!»), когда находится в особенно ворчливом настроении. Когда я медлю или ленюсь, когда разбиваю тарелку, или рву штаны, или от скуки начинаю ковырять вилкой в розетке, или играю с газовой горелкой – в общем, делаю что-то зачупатое, что прибавляет дедушке еще немного геморроя.

Из-за прежней работы на рудниках дед теперь все время кашляет, да так влажно, что я всегда думаю, что внутри легких у него – целое болото с кувшинками и лягушками.

Асыма – это вам не шутки.

Но сейчас на рудниках дед больше не работает. Когда в

Чертогу понаехали экспаты и стали строить тут свои Холмы, дедушку посетило прозрение. Он понял, что необязательно гнить в шахтах за два кило лука и сто грамм фарша. И что деньги можно получать куда менее тяжелым способом. Но для этого я должен перестать быть эгоистичной сволочью и помогать дедушке в нашем новом бизнесе.

Мы живем в районе Чертоги, который называют Старичья Челюсть.

Добро пожаловать в рай голодных крыс, кипяченного белья и помоев!

Старичья Челюсть – это четыре барака с двором-пустырем на каждый.

Наши бараки натыканы беспорядочно. Наверное, если смотреть с высоты на эти старенькие деревянные хибарки, они будут похожи на несколько трухлявых пеньков в беззубом рту старого бомжа. Вот так у нас: вместо домов с ровными стенами – какие-то гнилые огрызки. К баракам жмутся кривобокие сараи, покореженные гаражи, за домами находятся огороды, обнесенные самодельным забором, – шифером, проволокой, листами железа и даже автомобильными шинами. На огородах местные выращивают нечто внешне напоминающее труху. Где-то за нашим с дедом баракom тоже есть грядки, там летом даже растут малюсенькие морковки.

Хлоп-хлоп-хлоп.

Это хлопает деда по заднице огромный холщовый рюкзак.

Я иду сзади и вижу, как с каждым шагом рюкзак бодро подпрыгивает. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

Мы с дедом топаем на работу. Это дико круто – иметь работу, когда тебе всего восемь и ты совсем еще шпендик. А особенно круто – в восемь лет иметь собственный бизнес. В дедовском рюкзаке – уйма всего: садовые перчатки, рыбацкие сапоги, шапка-ушанка, раскладной стульчик и старенький баян. Это все пригодится нам для работы.

Мимо проезжает дребезжащий грузовик, набитый людьми – это на рудники везут работников.

Но нам не нужно туда. Мы идем в Голубые Холмы, в поселок экспатов. Войти в Холмы непросто: от Чертоги экспатов отделяют река и сетчатый забор, на мосту сидит охрана, которая дает разрешение пройти только тем, у кого есть пропуск. Естественно, у нас их нет. Но мы идем другим путем – через лес – и оказываемся на заброшенной гидростанции. Все, что от нее осталось, – четыре каменных столба в реке, шлюзы и плотина. Здесь мелко, по пояс, можно перейти реку прямо по плотине – вот для чего нам нужны рыбацкие сапоги.

Цепляясь руками за железные перекрытия шлюзов, пробираемся через бурлящий поток. Ноги вязнут, вода пытается унести меня вбок.

Ух, и сильное тут течение! Капли в лицо брызжут. Холодные! Я морщусь и жмурюсь.

Преодолев препятствие, мы оказываемся во владениях

экспатов – в Голубых Холмах.

У них здесь все другое, даже воздух как будто теплее и чище.

Мы выходим из леса на середину дороги, которая соединяет поселок и нефтяное месторождение. Вокруг – поля, на которых стоят нефтекачалки. Железные монстры похожи на динозавров у водопоя, которые монотонно и ритмично наклоняют к земле и поднимают к небу свои морды.

Дорога приводит нас на главную площадь – сюда автобусы привозят работников. Рядом располагается завод при месторождении. Вот здесь, на площади, наше рабочее место. Здесь всегда полно народу по утрам. То, что нам нужно.

Дедушка достает из мешка рабочие инструменты, плюхается на стульчик, ставит на колени баян.

Для разогрева пару раз проходится по кнопкам своими толстыми пальцами.

– Ну, давай, Кирюшка. Запевай.

Я встаю спереди. Кладу на асфальт перед собой перевернутую ушанку.

Смотрю на проходящих мимо людей. Все спешат на завод. Это странное чувство – видеть таких непохожих людей. Они все из разных стран, из разных уголков Земли. И все почему-то приперлись в наше захолустье.

Дед начинает играть. Я ловлю ухом нужную ноту и громко запеваю.

Начинаем с русской частушки. Потом переходим на на-

родные песни всего мира. Тут вам и французская «Жила-была пастушка», и американские «Янки-дудл» и «У старого Макдональда была ферма», и немецкая «Рыбачка Боденского озера», и еще много всего. Мне безумно нравится французская рождественская песня про ангелов из деревень, мы с дедом слушали пластинку, там детский хор ее обалденно исполняет. Вот только петь ее приходится так, будто тебе яйца прищемили – тонко и завывающе.

Деда наяривает что надо. Ему бы по кабакам играть. Никогда не думал, что баян может звучать то так бодро и заводно, то протяжно и мелодично.

Обычно больше всего дают за веселые песни, но грустная про ангелов экспатам почему-то тоже нравится. Видимо, она мне очень хорошо удается, голос получается – закачаешься. Как по краю бокала смоченным слюной пальцем водишь – чистый звук, высокий.

Но вообще песня про ангелов зимняя, рождественская, а нам до зимы еще ого-го сколько жить. Песни должны попадать в сезон, и раз сейчас наступает лето – нужны заводные летние песенки.

Вот так мы и работаем – дед играет, я пою, развлекаем спешащих на работу экспатов, которые в благодарность или из жалости бросают нам в шапку монетки. А по-другому в нашем захолустье как выживешь-то?

Мы подумываем над ди-вер-си-фи-ка-ци-ей нашего бизнеса (ух, слово-то какое заумное!). Нужно расширять сфе-

ру, а то мы все поем и поем. И деда кое-что придумал – он научился делать гигантские мыльные пузыри: для этого нужен таз с хорошим мыльным раствором, две палочки, между которыми нужно привязать веревочку так, чтобы образовать петлю. Вот с таким устройством получаются мыльные пузыри во весь рост и даже больше!

Дед уже все смастерил, у нас во дворе тренируется – пузыри получаются что надо!

А меня он учит жонглировать шариками. Скоро мы будем настоящим передвижным цирком.

Только вот пока мы с нашим цирком никому не нужны – народу в Холмах еще мало, и люди собираются в кучу только на этой площади, но тут все спешат, и никто не будет смотреть концерт. А нам нужно такое место, где люди будут собираться толпой и отдыхать, не спеша гулять или сидеть на лавочках, чтобы было кому показывать наше представление. Пока такого места в Холмах еще не устроили. Но по предположениям деда этим летом должен появиться парк для отдыха.

Пока что у нас с дедом тут певческая монополия, никто больше до такого не додумался. Конечно, скоро народ просечет, и поползут сюда через плотину все больные и убогие денюжку клянчить у богатеньких экспатов. Но пока что конкурентов у нас нет, и нас не очень-то гоняют. Нет, конечно, попадаются такие стражи порядка, которые нас прогоняют и даже штрафами грозят. Но в целом относятся хорошо, даже

суровым стражам нравится такой квартет: дедушка, внучок, баян и ушанка.

В шапку сразу начинают сыпаться монетки. В основном кидают русские, но иногда попадается и заморская валюта.

Мы с дедом работаем на площади до десяти-одиннадцати, потом ловить нечего – все на заводе. И мы сворачиваемся и идем в сам поселок на другую работу. Идем так, чтобы кому не надо на глаза не попасться.

Поселок строится... Повсюду стучат молотки, жужжат дрели, грохочет тяжелая техника. Готова только та часть, что ближе к реке и к границе с Чертогой.

Дома тут – загляденье. Я такие только на открытках видел. Яркие, с ажурной отделкой, как пряничные домики. А газон... Прямо альпийские луга из рекламы про масло «Анкор».

– Кирка, ты чего зазевался? В оба гляди, – ворчит дед.
Ах, да. Мы же на работе – надо глядеть в оба.

В чем заключается наша вторая работа?

Стащить то, что можно продать. Мы не воруем – берем то, что уже не нужно, например, что осталось после стройки. Очень ценится алюминий, а после стройки здесь столько всего из алюминия осталось: трубки, проволока, обрывки кабелей... Все это мы потом почистим, отделим лишние детали и понесем в скупку дяде Диме в его вагончик.

Мы заходим в строящийся поселок со стороны леса – в конце его тут огромная куча строительного мусора. Копаем-

ся в ней, выбираем полезный хлам.

Сделав работу, выходим из поселка через главный вход... И ахаем. Въезд в поселок сделан в форме арки из разноцветных камней, а возле арки... Стоит корова! Мы ее раньше не видели.

Огромная корова, скрученная из проволоки, с обмотанной вокруг нее гирляндой из лампочек. Она тут, видимо, для красоты и по вечерам должна освещать парадный въезд.

Таращусь на корову. Роднуля, ты должна быть нашей! Не знаю зачем, но должна.

Мы с дедом переглядываемся. Зырим по сторонам.

Через минуту на въезде в поселок снова пусто – ни меня, ни деда, ни коровы из проволоки. Вместе с новой подружкой мы радостно улепетываем обратно в свой лес.

Корова большущая, тащить ее неудобно. Она вся какая-то неуклюжая. Постоянно спотыкаюсь о корни и шишки. Дед держит корову за голову, а я ее тащу за зад.

Обратная переправа через плотину дается нам с трудом. Делаем пару заходов, перетаскиваем сначала добычу со стройки, потом корову.

Наконец подходим к бараку.

Входим в наш подъезд. На лестнице не хватает двух ступенек, они уже давно сгнили и провалились. Нужно об этом помнить, иначе, если вовремя не перепрыгнуть дыру, полетишь вниз бомбочкой. С коровой поднимаемся вверх с особой осторожностью.

Дома у нас много забот. Корову выпихиваем на балкон – потом решим, что с ней сделать.

Прохожу на кухню – по пути прыгаю по коридору. Пол здесь такой шаткий, что на нем здоровски прыгать – как на батуте.

На кухонный стол вываливаем из шапки все, что заработали. Тут и рубли, и копейки, и заморская мелкая валюта: сантимы, пфенниги, центы... Попадается также денюга покрупнее – франки и марки. Все это надо разложить по кучкам и посчитать по нынешнему курсу. Дедушка этого сделать не может – подслеповат стал. Так что финансами у нас я занимаюсь.

Я считаю деньги, а дед сидит рядом и курит беломорину – от этих папирос пальцы у него в желтых пятнах.

После подсчета нашего заработка мы все деньги прячем – запикиваем в ящик с инструментами и присыпаем сверху гвоздями.

Потом садимся обедать – вчера наготовили целую кастрюлю лукового супа с фрикадельками. Я весь изревелся, пока лук резал.

После обеда вытряхиваем на пол из рюкзака алюминиевую добычу. Принимаемся чистить лом от засора, так как за чистый алюминий дают больше денег. Снимаем изоляцию с кабелей, убираем лишние детали.

Через час работы пальцы немеют.

Справившись, тащим чистый лом к дяде Диме, в его ва-

гончик за бараками. Здесь у дяди Димы пункт приема. Мы ему – нашу добычу, он нам – денежку. А еще протягивает мне скрученного из проволоки слоника. У меня уже шестнадцать разных зверюшек, эта поделка – семнадцатая. Дядя Дима очень круто мастерит зверюшек из скрутиков, дарит их детям наших дворов. Лучше всего у него получился жираф, он делал его для Маринки из шестого дома. Все дети со двора ей обзавидовались. За Маринкой всегда толпа ходит. Просят ее обменяться. Ей предлагают даже две, а то и три разных зверюшки за ее жирафа. Но она всегда отказывается.

Во дворе мы часто устраиваем соревнования – играем в городки, на кон ставим зверюшек – победитель получает в награду одну из поделок. Так что зверюшки проволочные – это у нас, детворы местной, такая своя валюта.

Я ставлю нового жителя на подоконник, у меня тут целый зоопарк. Самый клевый в нем медведь, я его в городки выиграл. С первого броска выбил «часовых», так мало у кого получается.

У нас все помешаны на городках – потому что это такая игра, которую себе может устроить каждый. У нас с дедом тоже где-то есть «городки» – он их из березы мне выстругал. Но они не модные, поэтому я их не беру. Модные у Катьки – ее батя сам покрасил «городки» и битую разноцветными красками. Так что мы обычно Катькиными играем, таких ни у кого нет. А березовые – они есть у всех, березовые «городки» – это не модно.

Начинаю делать уроки – все мои ровесники уже давно ходят в школу, но я сижу на домашнем обучении. Дед – учитель суровый. Ремнем, полотенцем и скрученной газетой прохаживаясь мне по заднице, дед помогает усваивать новые знания. Письмо, математика, английский, история и география... Дед говорит, что только с помощью мозгов можно выбраться из болота, в котором мы живем. Но местные школы этого якобы дать не смогут.

А мне нравится то, как мы живем. И выбираться отсюда я совсем не хочу.

После учебы иду во двор, друзьям показывать новую зверюшку.

Каждый двор у нас имеет свое название. Наш – Корабельный. Я очень им горжусь. По весне, когда тает снег, пустырь затопляет так, что вода аж до пояса достает. Водослив уже года три как забит каким-то дерьмищем, вот нас и топит. Даже резиновые сапоги не спасают – люди перед выходом из дома ноги обматывают пленкой, чтобы не намокнуть.

И по весне все дети из округа собираются здесь на корабельные соревнования. Мы с самого Нового года к ним готовимся. Строим игрушечные корабли, красим их, делаем паруса, придумываем названия. И в апреле у нас начинаются настоящие морские бои. В море встречаются два противника-корабля, задача каждого – потопить чужое судно. Выигравший сходится со следующим противником, и так до самого последнего победителя.

Победителю гарантированы почет, слава и уважение на весь год. Я не выигрывал ни разу, хотя мы с дедом строили всегда самые крутые корабли.

Сейчас май, вода утекла, грязь подсохла. Наш двор стал скучным. Зато теперь все дети перешли на соседний. Он называется Королевским. Тут очень чисто и даже есть асфальтированная площадка – на ней мы все лето играем в городки.

Третий двор у нас Судный. Здесь решаются все жаркие дворовые споры. Прямо во дворе находится огромная помойка – высотой с гору. Над помойкой проходят тепловые трубы. Спор у нас решается так. Кто хочет, чтобы на его стороне правда была, лезет по трубе прямо над помойкой. Мало кто может долезть до конца – обязательно свалится в воющую кучу. Но уж если долезет – все, он прав, остальные отступают.

Есть еще четвертый двор, он чуть в стороне. Бараки там совсем разрушены, зато двор-пустырь хорош, ровный весь и трава на нем растет. На нем мы обычно играем в футбол, а зимой лед заливаем и в хоккей рубимся, тут даже ворота есть.

Покидать Старичью Челюсть нам, детям, нельзя. Та к что мы играем только здесь, хотя и хотим выбраться за пределы нашего района. Постоянно передаем друг другу разные легенды и страшилки об удивительных местах Чертоги, которые находятся за нашими пустырями. Рассказы про жуткие заброшенные шахты, где живут призраки, про зеленый

карьер-отстойник при заводе, в котором обитают чудовища, и про уйму другого интересного и жуткого, от чего по коже мурашки бегут.

Когда вырасту, я обязательно побываю во всех местах и даже открою новые.

Вот как-то так и проходят мои дни.

Утро. Жужжание старенького будильника.

Коридор. Прыжки по скрипучим половицам в коридоре.

Ванна. Зеркало все в трещинах.

Чистка зубов. Семнадцать раз снизу вверх, семнадцать – сверху вниз.

Завтрак. Манная каша и чай с бергамотом.

Подъезд. Запах кошек и подгорелых блинчиков. Две сгнившие ступеньки. В углу – притаившийся крысеныш.

Улица. Путь по извилистым тропкам мимо покосившихся барачков.

Лес. Запах влажных листьев и сосновых иголок.

Плотина. Переход на другой берег реки через холодный бурлящий поток.

Голубые Холмы. Гладкая, ровная дорога. Поля, утыканные нефтекачалками.

Площадь. Мостовая, выложенная ровными, одна к одной, плитками. Часовая башня. Толпа экспатов, спешащая на завод. Музыка баяна, веселые песенки и звяканье монеток в шапке.

Поселок экспатов. Шум молотков и дрелей и запах строи-

тельной пыли. Копание в строительном мусоре. Сбор полезного хлама.

Дом. Подсчет финансов. Гладкость и холодок блестящих монеток. Теплый ароматный обед.

Улица. Синий вагончик дяди Димы: сдача лома. Новая зверюшка из скрученной проволоки.

И снова дом. Утомительная зубрежка под строгим контролем деда.

Двор. Вечерняя прогулка с друзьями. Городки, футбол, прятки и салки. Дворовые запахи: мазут, объедки, стираное белье, подгорелое масло...

Сон. Кровать. Запах пыльного матраса. Мерный храп деда и ругань соседей за стеной. Звон битой посуды. Вой дворовых собак.

Я улыбаюсь еще одному прожитому зачупатому дню. Улыбаюсь тому, что я ложусь спать на сытый желудок. Улыбаюсь при мысли, что со мной рядом всегда будет дедушка. Мы каждый день едим горячий суп. У меня есть руки и ноги. Я могу ходить, могу бегать по холмам, могу говорить и даже петь.

Я не знаю другой жизни, кроме Чертоги, не знаю других детей, кроме детей из Старичьей Челюсти, не знаю другой семьи, кроме дедушки. Каждый мой новый день похож на предыдущий, но я счастлив до самой макушки.

Я засыпаю, чтобы проснуться наутро в еще одном сегодняшнем дне.

Ах, да, корову мы так и не сдали – дядя Дима ее не принял, сказал, в проволоке много ненужных добавок. Она теперь каждое утро своей проволочной мордой улыбается с нашего балкона проезжающим на грузовике шахтерам.

А потом в моей жизни случаются три гигантских переворота.

Деда наконец-то берут на постоянную (не подземную!) работу – водителем самосвала: теперь ему предстоит возить руду с шахт до перерабатывающего комбината.

Наша карьера цирковых артистов заканчивается, не успев начаться, мы с дедом больше не ходим на работу к экспатам. Меня отправляют в школу. Я хорошо сдаю вступительные тесты и попадаю сразу во второй класс. Эх, я превращаюсь в обычного ребенка.

А еще в нашем дворе появляется новый мальчик. Белобрысый, как заяц в зимнюю пору, длинный, как фонарный столб, наглый, как помойный крысеныш, и злющий, как черт. Он не боится взрослых, ему плевать на запреты. Старше всех детей в округе, он быстро завоевывает признание дворовой детворы и общественную ненависть. Архип. Сын начальника шахты, лидер нашего двора и мой любимый зачупатый друг.

Глава 2

Промотаем пленку на два года вперед и попадем во время,

когда я познакомился с Архипом.

Вот уже два года как дедушка работает на самосвале, а я хожу в школу. Вот уже два года как мы не были в Холмах, а ушанка и баян пылятся на антресолях под потолком.

Я скучаю по прошлому. Сидя в классе и ковыряя облупленный уголок парты под нудную болтовню учителя, я с тоской вспоминаю наши с дедом беззаботные дни. Вспоминаю наш путь к Холмам, улыбки экспатов, веселые песни, сбор алюминиевого лома. Я думаю, дедушка, крутя баранку огромного самосвала, тоже скучает по тем дням – он последнее время стал какой-то грустный.

Здоровущая проволочная корова на балконе была прощальным подарком от нашей прошлой счастливой жизни. К Новому году дедушка подключил гирлянду к электричеству, и мы зажгли корову вместо новогодней елки. Под нашим балконом столпилась вся местная детвора, всем хотелось посмотреть на это чудо – светящуюся корову!

Мне не особенно нравится школа, это длинное здание на южной границе Чертоги недалеко от комбината. Под школой проходят подземные воды, и правая часть здания сильно просела и накренилась, полы в школе теперь идут под углом, мы любим катать по коридорам что-нибудь круглое – шарики, мячики, батарейки, – не нужно даже давать толчок, просто кладешь на пол шарик, и он катится сам.

В школе выбито много окон, вставить новые стекла у администрации нет денег, и окна просто заколотили. Из-за это-

го в здании всегда мало света.

Мест всем не хватает, мы часто сидим по трое за одной партой, что до учебников, тут еще хуже – по одному на четверых. Домашние задания делаем из-за этого не дома, а в библиотеке, иначе замучаемся вне школы передавать друг другу учебники.

В школе стоит плохой запах – рядом протекает река-во-нючка; в этой части города совсем старые канализационные трубы, и стоки из домов стали попадать в реку. А еще здесь рядом городская свалка – ветром мусор разносит по всей округе, очень много всего попадает в реку. Из окон школы можно видеть, как из-под воды выныривают мусорные пакеты, выглядывают круглые днища ржавых бочек и автомобильные шины. Возле реки мы часто играем после школы – прыгаем с бочки на бочку и с шины на шину.

Я заканчиваю третий класс, приближается мое десятое лето. Два месяца назад прошли Корабельные соревнования – но наш с дедом очередной потрясный корабль, сделанный из просмоленных досок, снова ничего не выиграл.

А сейчас открыт сезон городков!

Вот мы стоим, толпимся на краю площадки Королевского двора с фигурами. Моя очередь бросать биты. Я весь потный, нужно выбить самую сложную фигуру – «письмо». Сегодня – решающая битва. На кону мой драгоценный медведь. Если не выбью, проиграю поделку. Если же выбью, то получу две самые классные зверюшки (ну, после жирафа, конечно) –

хорька и лису.

«Письмо» я не выбивал ни разу в жизни. В этой фигуре между «городками» большие промежутки. Выбить все сразу – нереально.

И тут вдруг у самого уха раздается незнакомый голос:

– Не бей под углом. Бита должна лететь параллельно земле. Встань как можно дальше.

Я еще не смотрю на подсказчика. Недоверчиво гляжу на фигуру.

– Доверься мне, – шепчет голос у уха.

Я думаю. Но если я сделаю, как хочет голос, и отойду назад, то моя бита просто не долетит!

Но что-то подсказывает мне, что голосу можно верить.

Отхожу на три шага назад. Рискну. Эх, прощай, родной мой медведь!

В последнюю секунду перед броском биты я закрываю глаза. Слышу шум: глухой удар биты о площадку, «городки» разлетаются. Открываю глаза.

Это исторический день. Я выбил «письмо!»

Кто-то хлопает, кто-то ахает, а кто-то оплакивает свою лису.

И тут я наконец-то оборачиваюсь к тому, кто давал мне подсказки. И удивленно открываю рот.

Хм. Этот парнишка не из наших.

Все остальные тоже на него смотрят. Десять лиц одновременно обращаются в его сторону. Откуда он взялся? Никто

не знает. Он будто вырос из-под земли. Высокий, белобрысый, с умными глазами, в чистой рубашке. Все с любопытством разглядывают чужака.

Любой бы растерялся, но только не этот парнишка. Он расправляет плечи и гордо задирает подбородок.

– Архип, – с важным видом протягивает он свою белую ладошку.

Все по очереди неуверенно пожимают ее и называют свои имена. Эта взрослая традиция – обмениваться рукопожатиями – раньше никогда не была в ходу среди нас, детей.

Появление незнакомого парнишки уже с первых секунд что-то меняет внутри нас.

Пожимая мне руку, он подмигивает и улыбается. Я улыбаюсь в ответ и киваю, выражая благодарность.

– Откуда ты взялся? Сколько тебе лет? – интересуемся у парнишки.

– Я из Коробок. Мне одиннадцать. И у меня с собой чипсы «Принглс».

Восторженный вздох.

Коробки. Район в центре Чертоги. Без бараков, там двумя аккуратными рядами стоят шесть одинаковых панельных пятиэтажек. Это у нас что-то типа элитного района. Говорят, там даже свет и воду дают круглосуточно, а не так, как у нас – по четыре часа в день. И котельная у них своя, районная – современная, трубы никогда не замерзают, и тепло домам

дают всю зиму. Правда, мы не знаем этого точно, ведь никто из нас ни разу не был в Коробках. Все это один парнишка рассказывал – говорил, знакомые его знакомых там живут. Но мы не поверили ему и быстро загнали на трубу – проверить на правду. Свалился в помойную кучу. Та к и знали. брешет. Не бывает такого, чтобы свет круглосуточно. А вода-то как целый день может идти горячая? Она же нагреться должна. Враки все. А уж тем более про котельную. Все трубы мерзнут. Не могут не мерзнуть.

Белобрысому парнишке одиннадцать лет. Самый старший среди нас. И значит, самый умный.

Чипсы «Принглс». Уже от этих двух слов в желудке урчит, а рот наполняется слюной. «Принглс» мы ели только один раз – накопили всем двором и купили вожаделенную баночку.

Три ответа Архипа автоматом превращают его в лидера нашей компании. И без разницы, живет он здесь или нет. Мы, дети из Старичьей Челюсти, всегда доброжелательны к новичкам. Всегда их принимаем. Никогда не разделяем компанию на «салаг» и «старожилов», на «наших» и «чужих». Особенно если они с собой приносят чипсы...

Мы отходим к лавочке, все окружают Архипа. Он достает из рюкзака чипсы – целых две упаковки! Высыпает каждому на ладошку.

Мы уступаем Архипу почетное место в центре лавочки, сами садимся вокруг. Я плюхаюсь на землю напротив, хрумкаю чипсы.

– Я должен тебе кое-что, – говорю я и протягиваю Архипу лису и хорька. – Я выиграл их благодаря тебе.

Архип отмахивается:

– Ты мне ничего не должен. Твой бросок действительно был крутой!

– Нет, должен! Выбирай – хорька или лису?

Я упорно протягиваю ему зверюшек. Архип сдаётся. Забирает себе хорька.

– Спасибо, – кивает он и убирает хорька в карман штанов.

Архипа заваливают вопросами: а как живут люди в Коробках? А правда ли, что отопление дают всю зиму, а свет и воду – круглосуточно? А правда ли, что во дворах Коробок есть новенькие детские площадки? И что на районе нет вандалов, и на окнах даже можно не ставить ставни и решетки? И что крыши у домов плоские, а не треугольные, как у наших бараков?

Я смотрю на окна наших домов, защищенные решетками, а кое-где на нижних этажах закрытые ставнями. Мы боимся вандалов и воров, их тут много.

Архип усмехается.

– Ха! Если думаете, что мы там как короли живем, как эти... из Холмов, – презрительно протягивает он, – то вы ошибаетесь. С отоплением такие же проблемы – трубы мерзнут. Воду должны давать все время, но по факту ее не бывает по полдня... То же самое со светом. Дома у нас старые, проводка трухлявая. Детская площадка есть, но ее уже почти

всю разрушили – качели сломали, горку вырвали. А ставни – так во всей Чертоге ставни. И у нас. Везде есть вандалы. Та к что враки все. Кто вам на говорил эти глупости? Язык ему надо вырвать. Но вот крыши плоские, это верно.

Архип с беспокойством смотрит на треугольную крышу одного из барачков. Она совсем прохудилась, часть ее провалилась внутрь.

Мы победно смотрим на мальчонку, который уверял нас, что в Коробках все по-другому. Судные трубы над помойкой – они не врут. Всегда показывают, на чьей стороне правда. Мальчонка стыдливо смотрит себе под ноги.

– А вы были в шахтах? – меняет тему Архип и заметно оживляется.

– В шахтах?

Мы смотрим на него с ужасом. Никто из нас не спускался в шахты. Неужели он...

– Я их все облазил, – говорит он так, будто рассказывает о походе в магазин за хлебом.

– Ух ты! И как там?

Глаза Архипа горят:

– Там очень круто! Подземные тоннели, штольни... Там много разной техники. Проходит железная дорога, можно кататься на вагонетках. Сыро. Мрачно. Можно кучу всего интересного найти. Смотрите.

Он достает из кармана штанов камешек, который блестит, как металл.

– О! Это руда? – спрашивает один из ребят.

– Дубина! – Архип презрительно смотрит на него. – Не можешь руду от пирита отличить? Это же пирит – камень-обманка. Все шахтеры могут отличить пирит от золотоносной руды. Ты разве не сын шахтера?

– Сын...

– Скажи папке, что ты дубина. Пускай поучит тебя.

Архип копается в рюкзаке. Достает несколько предметов, покрытых землей и копотью.

– Это я тоже в шахтах нашел. Фонарик и головку с кирки. Представляете, сколько ей лет?

Мы все по очереди держим в руках Архиповы находки. Они прохладные и шершавые, чувствую пальцами жесткую корку. Я нюхаю их – хочу почувствовать запах шахты.

Мы все заваливаем Архипа вопросами о рудниках.

Архип вскидывает руки:

– Погодите! К чему рассказывать, если я могу провести вас туда?

– Прямо в шахты?

Мы не верим!

– Конечно, прямо в шахты! Пойдемте хоть завтра! И все увидите своими глазами!

Мы начинаем строить план. А во сколько выходим? А что надо брать с собой? А будут ли у нас фонарики?

Архип отвечает на наши вопросы. Все, решено – завтра выступаем! Я наконец-то увижу шахты, настоящие забро-

шенные шахты, про которые известно столько разных историй!..

Многие не смогут пойти и огорченно вздыхают, зато тех, кто может, просто распирает от счастья.

Но тут замечаем, что солнце скрывается за деревья, оглядываемся по сторонам. Сумерки. Время страшных рассказов, традиции нельзя нарушать. Мы все смотрим на Архипа – а у нас ведь тоже есть чем его удивить!

– Солнце садится. Пойдемте к подвалу, истории рассказывать! – говорит кто-то из наших.

– Что еще за истории? – недовольно переспрашивает Архип.

– Страшные! У тебя от них волосы дыбом встанут! Жуткие рассказы про шахты. Заодно и скажешь потом, выдумки это или нет, и поделишься своими байками. Пойдемте скорее к подвалу!

Мы заходим за угол дома, по выщербленным ступенькам спускаемся к решетчатой двери подвала.

Подвал у нас длинный, вдоль стен тянутся ржавые трубы.

Мы часто слышим страшные рассказы об этом месте.

Рассказы о жутком насилии, об убийствах, о том, как кто-то убил кого-то, разрезал труп и спрятал куски тела прямо в трубы. Вода на полу вся окрашена в багровый цвет. На стенах – следы от ногтей, оставленные несчастным, которого однажды приковали цепью к трубам и который напрасно пытался

звать на помощь...

Здесь происходит очень много страшных вещей, о которых взрослые шепчутся за плотно закрытыми дверями. Но мы, дети, все равно слышим отдельные слова – и этого нам достаточно, чтобы потом сообща додумать историю до конца.

Мы никогда не лазили внутрь – решетчатая дверь закрыта, ее нужно взламывать, – да и желания особого нет. Благодаря всем дворовым легендам мы уже живо представляем картину внутри. Нам достаточно просто сидеть у двери подвала, глядеть в его мрачную темноту через решетки, чувствовать особенный запах, ощущать влажность, слышать, как в темноте где-то капает вода, что-то шипит. Иногда мы слышим какие-то шорохи и с визгами мчимся вверх, к спасительному свету.

Именно здесь, на нижних ступеньках у входа в подвал, мы рассказываем друг другу мрачные страшилки о жутких вещах, случавшихся в подвалах и на чердаках Старичьей Челюсти, о шахтах и о зеленом отстойнике, обо всем пугающем, что может происходить в Чертоге.

Мы рассаживаемся по ступенькам. Я снимаю привязанный к поясу маленький фонарик и освещаю темноту подвала за решетками. Потом говорю:

– Давай, Гусь, сегодня твоя очередь!

Мальчишка, награжденный таким птичьим прозвищем из-за своей тонкой и длинной шеи, ерзает и оживает. Все

любят рассказывать байки, и каждый ждет не дожидается своей очереди.

– Отлично! У меня как раз есть одна страшная история... Это случилось на самом деле. Мне рассказывали. Все это – правда на сто процентов. Несколько месяцев назад два брата-студента собирались приехать в нашу глушь и спуститься в одну из заброшенных восточных шахт с какой-то исследовательской целью. Один заболел, и приехал сюда только второй брат. Он спустился под землю, пошел по тоннелю. Студент хотел найти какие-то интересные камни. Вдруг он увидел впереди загадочные блики и, освещая себе путь фонариком, пошел в направлении манящего блеска. Но сколько бы он ни шел, блики не приближались. Тоннель то разветвлялся, то расширялся, позволяя двигаться в полный рост, то сужался, становясь похожим на нору. Вдруг студент стал замечать, что свет фонарика потускнел, хотя батарейки были новые. Как будто дело было в том, что чем дальше он шел, тем больше сгущалась темнота, и свет фонарика уже не мог ее рассеять... Дойти до источника загадочного блеска стало навязчивой идеей студента. Ему было страшно, гулко стучало сердце. Шорох шагов. Зловещий звук падающих капель. Мрак... И загадочные манящие блики впереди. И вдруг... сзади, в нескольких метрах...

Мы все затихаем, с нетерпением и страхом ожидая продолжения истории. Гусь выдерживает паузу, накаляя атмосферу, а потом вскрикивает:

– Раздался голос!

Все ахают.

Гусь между тем продолжает:

– Мужской голос, удивительно знакомый студенту. Он стал светить назад, но никого не увидел. А голос все приближался. Он говорил: «Помоги мне...» От страха студент побежал вперед. И вдруг голос смолк. Блики исчезли. Студент подошел к тому месту, где в последний раз видел блеск, и посветил фонариком в темноту. И там... на земле... были разбросаны фотографии! Фотографии, разрезанные ножницами на треугольники. Студент подобрал несколько обрезков – на них были люди. И на одном из кусочков снимка он узнал... себя и своего брата! С прожженными дырами вместо глаз. Эта фотография сделана давно, когда они с братом еще были совсем детьми. Она всегда хранилась в семейном альбоме – и никаких дыр на ней не было и в помине... Сзади послышалось какое-то шевеление – студент бросился бежать. И тут впереди показался просвет – другой выход из шахты. Спасение! Студент выбрался на поверхность, к свету. Всю дорогу домой он разглядывал обрезки фотографий и недоумевал, как они оказались в шахте. Он вернулся домой, брата не оказалось там, но студент подумал, что тот мог почувствовать себя лучше и уйти куда-нибудь по своим делам. Истощенный морально и физически, он лег спать. Той ночью ему ничего не снилось. А наутро его разбудил телефонный звонок. Звонили из милиции. Брата нашли мертвым на пу-

стыре – неизвестно, отчего он умер. На земле рядом с ним было нацарапано: «Помоги мне»... Он пролежал там полтора дня, и вороны выклевали ему глаза. Студент сжег кусочки снимков сразу после похорон. И больше никогда не спускался в шахты...

Мы все выдыхаем. История нам очень понравилась. Гусь умеет здорово рассказывать, нагнетая атмосферу. И голос его звучит так тихо, глухо, как из-под земли...

Мы все обсуждаем услышанное, хвалим Гуся. Но Архип недоволен. Он единственный из нас был в шахтах, поэтому придирается к мелочам:

– Не похоже на правду... Это же восточные шахты, да?

– Ну, да, – отвечает Гусь.

– В восточных шахтах нет второго выхода на поверхность. А еще как студент мог подобрать фотографии с земли, если шахты там все затоплены? Там нужно по колено в воде идти... И история с фотографиями... Врешь ты все! Не бывает такого. Сказки.

– А вот и не вру! – яростно выкрикивает Гусь, быстро вставая. – Это все – чистая правда! Ты просто не во всех шахтах был и не знаешь, что там творится!

– А вот и во всех! – Оскорбленный Архип тоже вскакивает. – И восточные все затоплены!

– А вот и нет!

– А вот и да!

Оба мальчика спорят, толкаясь упрямыми лбами.

Мы все следим за перепалкой. Но споры у нас решаются только одним способом...

– На судные трубы! Пойдемте к судным трубам, проверим, кто врет! – кричит кто-то.

Все поднимаются, начинают галдеть. Кто-то поддерживает Архипа, кто-то стоит за Гуся. Мы идем в Судный двор. По дороге рассказываем Архипу, как у нас решаются споры.

Мы подходим к мусорной горе, состоящей из бутылок и банок, целлофановых пакетов, картонных коробок, вонючих объедков, мотков магнитофонной ленты, арматуры, досок и пыльных мешков...

Две огромные ржавые трубы стелются по земле двора, над горой они поднимаются и тянутся поверху, потом снова спускаются и уходят дальше в глубь двора. Жестяная обложка поверх труб смялась и распалась, лохмотья сгнившей стекловаты и полоски грязного поролона свисают до земли.

Гусь подходит к трубе, вид у него уверенный. Он хорошо лазает и не раз выигрывал споры. Архип усмехается. Вместо того чтобы пойти к трубе, он направляется к мусорной куче.

– Ты куда? – удивляемся мы.

– Я хочу немного подправить ваш судебный процесс.

Архип копается в мусоре – выбирает стеклянные бутылки. Мы с интересом наблюдаем за ним. Потом он забирается прямо на верхушку горы с бутылками в охапке. Берет в руку одну... И разбивает ее о торчащую из кучи железную арматуру. От неожиданности мы все вскрикиваем.

– Что ты делаешь? Прекрати! Перестань! – кричим мы.

Но Архип с улыбкой продолжает бить бутылки, разбрасывая осколки по куче. Осколки получаются разные, и мелкие, и крупные, размером с ладонь. Такие могут и насквозь проткнуть!

Усыпав верхушку мусорной кучи осколками, Архип спускается вниз.

– Вот теперь можно начинать спор, – улыбается он. – Теперь суд точно определит вруна.

– Но... Но... Архип, там же осколки! Нельзя лезть! Вы можете упасть и напороться! Такие осколки человека могут сильно поранить! До кишок живот пропороть!

Мы пытаемся остановить его. Но Архип лишь улыбается и пожимает плечами. Смотрит на Гуся:

– Но ведь каждый из нас уверен, что он прав, не так ли? Значит, мы оба удержимся. Так, Гусь? Ведь ты же не хочешь отступать и признавать, что ты все наврал и что твоя история – выдумка?

Гусь от страха весь напрягается, вытягивает свою длинную шею.

– Я... Я... Я не вру!

– Отлично! – Архип подходит к своей трубе. – Тогда лезем?

Мы все смотрим на них с волнением.

Неужели они решатся? Будут рисковать жизнью, чтобы только показать всем, на чьей стороне правда?

– Командуйте! – кричит Архип.

Я нехотя начинаю считать:

– Раз, два, три!..

Они лезут вверх по трубам – цепляясь руками за колючую стекловату, ногами упираясь в смятую железную оболочку. Гусь опережает Архипа и уже преодолевает вертикальный участок, он встает на ноги, а Архип только долезает до середины. Гусь двигается вперед, не смотря вниз. Делает шаг. Еще один. Дальше – опасный участок. Часть трубы искривилась, лист железа торчит вверх, нужно перешагнуть через него. Гусь балансирует, размахивая разведенными в стороны руками, маленькими шажками приближается к опасному участку. Архип уже добрался до верха и идет по горизонтальному участку, догоняя Гуся. На пути Архипа – похожие препятствия, торчащие куски железа. Он с легкостью преодолевает сложный участок и двигается дальше. Гусь, видя, что соперник его обгоняет, смело делает шаг. Мы замираем: Гусь машет руками так энергично, как будто вот-вот упадет. Мы видим его испуганные глаза, а вот лицо Архипа спокойно. На пути спорщиков – еще одно препятствие, там трубы сужаются прямо над кучей, и пройти по узкому скользкому участку практически нереально. Архип наступает на узкую часть и теряет равновесие. Мы вскрикиваем. Но он быстро делает шаг вперед и, балансируя раскинутыми руками, удерживается на ногах.

Гусь тоже наступает на скользкое место, но не теряет рав-

новесия, бодро идет вперед. Болельщики подбадривают Гуся возгласами и аплодисментами, и он идет по опасному участку даже быстрее Архипа и вскоре его обгоняет.

За кого я болею? Даже не знаю... Я переживаю за Гуся. Я не думаю, что он врет про свою историю, считаю, что Архип зря на него взъелся. И суд вышел слишком жестокий: разбросанное стекло – это лишнее. Но что-то в Архипе есть такое, что заставляет меня восторженно смотреть на него и желать ему победы...

Гусь даже слегка улыбается – он уверенно преодолевает препятствие. Архип отстает.

Но тут... Что-то идет не так. Нога Гуся соскальзывает с трубы. Махи руками не помогают ему удержать равновесие, с протяжным криком он падает вниз. Я закрываю руками лицо и слышу удар: будто с высоты бросили мешок с картошкой. Я слышу жуткий звон битого стекла – Гусь упал в самую гущу осколков. Мы все бросаемся к нему, лезем на кучу. Гусь лежит на животе, раскинув руки в стороны. Не шевелится. Мы кричим, перебиваем друг друга, тормозим Гуся, тянем в разные стороны, переворачиваем его. Кто-то вопит от ужаса: живот Гуся весь в крови.

Наши крики привлекают взрослых, на помощь уже бегут несколько человек. Нас расталкивают, кто-то звонит в «скорую», кто-то спускает Гуся вниз.

Мне становится плохо, сильно мутит. Перед глазами мелькают звездочки. Все, что я вижу, – это красные капли кро-

ви, падающие на землю. И улыбку. Улыбается Архип. Он все еще на трубе – смотрит с высоты на всех, смотрит победно: этот спор он выиграл.

Гуся увозят на «скорой», а через неделю он умирает от воспаления раны. В нашей больнице нет сильных лекарств...

Мы раскладываем еловые ветки перед входом в подъезд, где жил Гусь. Надеваем черные рубашки. Идем в маленькую церковь проститься с этим добрым мальчуганом, который так здорово рассказывал истории.

Удушливый запах пота и церковных благовоний, гроб, в котором лежит Гусь – белый как мел. Его рубашка застегнута на все пуговицы, под самое горло, и от этого его шея не кажется слишком длинной.

Гуся звали Славкой. Тищенко Вячеслав Анатольевич. Ему было девять лет.

Я не подхожу к гробу ни в церкви, ни на кладбище – мне страшно. Переминаюсь с ноги на ногу, прячусь за толпой, обступившей могилу, слышу, как приколачивают крышку. Стук молотков заглушает горькие рыдания родственников.

У меня перед глазами все еще стоят осколки бутылок, падающие капли крови и белозубая улыбка мальчишки, который радуется победе, завоеванной такой высокой ценой.

После похорон взрослые отгораживают трубы и помойку самодельным забором – чтобы дети туда больше не лазили. Мы теперь избегаем Судного двора, но все равно нам нужно проходить через него, чтобы добраться от нашего двора до

Королевского. Проходя мимо, я не смотрю в сторону труб, но все равно боковым зрением вижу их, снова и снова вижу в своем воображении падающего вниз Гуся.

Дети ополчаются против Архипа, винят его в смерти Гуся. Архип больше не приходит к нам. Мы больше не решаем, кто прав в спорах, не рассказываем истории у входа в подвал: смерть Гуся сильно отразилась на наших привычках и традициях. Вечерами мы теперь просто сидим в кустах Королевского двора, болтаем или играем в мяч.

Я скучаю по Гусю – он был хорошим парнем. Но я скучаю и по Архипу – этот странный мальчишка за короткое время успел крепко привязать к себе многих. Половина ребят ненавидит его, они все любили Гуся. Вторая половина, такие, как я, просто молчат и с тоской вспоминают чипсы «Принглс», камень-обманку пирит, кирку и насмешливую улыбку.

К нашему удивлению, Архип приходит к нам во двор недели через две после смерти Гуся, утром в субботу. Мы сидим в кустах и слышим, как шевелится листва. Сквозь кусты просовывается белобрысая голова с прицепленным на лобном фонариком. Потом появляется туловище. За спиной – рюкзак, в руках – карта, на ногах – резиновые сапоги.

От неожиданности мы открываем рты. Мы никак не могли подумать, что после случившегося у Архипа хватит смелости прийти сюда...

– Ты? Да как ты!.. Да откуда ты!.. – раздаются возмущенные голоса.

– Да, это я, – дерзко отвечает мальчик. – Я обещал сводить вас в шахту. Я иду туда сейчас. Те, кто хочет, двигайте за мной.

Все вскакивают.

– Ты думаешь, после всего, что случилось, кто-то пойдёт за тобой?

– Ты убийца!

– Уходи отсюда!

– Ты не нужен здесь!

Архип поджимает губы и сощуривает глаза. Взгляд его пробегает по всем по очереди: он ищет сторонников. Останавливается на мне.

– Ты, – говорит Архип. Мне хочется оглянуться – может, он все-таки обратился к кому-то другому? – Я знаю, ты хочешь пойти со мной.

Пошатнувшись, я чуть не сваливаюсь в кусты.

Все смотрят на меня. Как я себя поведу?

Мне нужно принять решение. Что делать? Остаться со всеми? Но мне чертовски надоело каждый день играть в городки и гонять мяч, торчать в этом дворе. Я безумно хочу попасть в шахту! Да, мне понравился Архип, и я считаю, что Гусь виноват сам: не нужно было лезть на трубу.

Ладони вспотели от волнения, стало очень жарко. Я выпрямляюсь во весь рост и под злобными взглядами смело отвечаю:

– Да, я пойду с тобой.

В кустах поднимается настоящий переполох, все ругаются и спорят. В конце концов из кустов выходит Архип, за ним иду я, а следом – еще трое, те, кто тоже не считает Архипа виноватым в смерти Гуся и очень хочет попасть в шахты.

А еще мы видим, что из рюкзака Архипа выглядывает яркая крышка полной упаковки «Принглс»...

Мы смутно осознаем, что совершили революцию и раскололи наше государство на две части.

Мы выбрали себе короля. И теперь уходим захватывать новые земли.

Глава 3

Архип говорит, что мы как новички должны начать с самой простенькой и доступной шахты – на востоке Чертоги. Мы выходим рано утром, идем через весь поселок, поскольку Старичья Челюсть находится на северо-западе.

Мне не по себе из-за вчерашнего раздора с ребятами, я не люблю ссоры, хочу, чтобы все дружили и чтобы всегда был мир. Войны не по мне. А появление Архипа раскололо нашу дружную команду. Что будет дальше, пока непонятно. Сможем ли мы все снова объединиться? Или будем воевать?

Печальное настроение не только у меня, все впятером идем грустные. Все, кроме Архипа, который оживленно болтает всю дорогу, рассказывая со знанием дела, как нужно вести себя в шахтах, что делать, если ты потерялся, и как найти

выход на поверхность.

Оставляем за спиной наши бараки, дальше по холмам приходим в центральный район Чертоги – Коробки. Прямоугольные серо-коричневые пятиэтажки и правда похожи на картонные коробки. Стены домов кажутся такими тонкими, будто они сделаны из бумаги, кажется, будто чуть дунешь – и они сразу развалятся. Дома стоят четкими рядами, дороги прямые и совсем нет грязи. Во дворах – кладбища детских площадок: повсюду торчат ржавые обломки горок и качелей.

Из Коробок мы выходим на огромный холм, за которым находится восточный район Чертоги – Лоскутки. Узкие двухэтажные дома наставлены так тесно друг к другу, что в переулках между ними едва может втиснуться пара человек. Это место отличается от остальных. Фасады домов разукрашены яркими красками: один дом выкрашен в сине-белую клетку, второй покрыт мелкими красно-желтыми волнами. Только здесь можно увидеть дома, на стенах которых плавают рыбы с радужными хвостами, растут бордовые цветы, летают экзотические птицы, нарисованы полосы, звезды, разные причудливые узоры всевозможных цветов. Из-за такой раскраски расположенных близко друг к другу домов район напоминает лоскутное одеяло.

Дальше, за окраиной Чертоги, тянутся покатые холмы. Мы держимся кучкой, чтобы не потеряться в молочном, густом тумане.

Через время пологие холмы сменяются более крутыми

участками, растительность становится реже, вместо зеленого ковра под ногами – каменистая осыпь, которая сильно затрудняет ходьбу. Время от времени попадаются полуразрушенные постройки непонятного назначения – мы находимся на территории заброшенных шахт.

Идем вдоль отвесной скалы по узкой тропинке и наконец вдалеке видим черное отверстие – вход в шахту. Поднимаемся к ней, останавливаемся у входа, который укреплен деревянными балками.

– Эта шахта очень старая, – говорит Архип. – Тут уже лет пятьдесят как закончились выработки... Внутри все обвалилось, пройдем недалеко...

Включаем налобные фонарики и ступаем в темноту. Штольня завалена каменными глыбами и бревнами. Идти сложно, и мы держимся за стены, чтобы не упасть. Пахнет сыростью, плесенью и грибами. Под ногами что-то хлюпает. Руки даже через садовые перчатки чувствуют остроту камней.

Туннель разделяется на два рукава. Архип уверенно ведет нас в правый. Дальше – еще одно разветвление. И еще одно.

– Куда мы идем? – спрашиваю я, шлепая сапогами по лужам.

– Скоро узнаешь. Я веду вас в одно очень интересное место.

Кажется, мы топаем целую вечность. Штольня идет под уклон – с каждым шагом мы спускаемся все ниже. Воды под

ногами становится все больше. Трудно представить, что над головой сейчас – тонны камней, и если будет обвал – нас сплющит в лепешку.

Мы осторожно обходим углубление, наполненное ярко-желтой жижей. Двигаться трудно – из-за обрушений сводов и завалов проходы сузились, и часто приходится ползти.

Наконец мы оказываемся в каком-то довольно просторном помещении. Обвалов тут не было – крепление из балок целое.

– Подойдите сюда, – зовет нас Архип к одной из стен.

Мы подходим. И ахаем от удивления!

Вся стена покрыта надписями и рисунками.

Рисунки очень красивые – будто их делали настоящие художники. Холмы, рудники, дома, люди, леса, реки, цветы...

Надписи же грустные и смешные, простые и философские. Высказывания про жизнь, молодость, смерть, борьбу, любовь.

Веселимся же, пока мы молоды!

Следуй за своей звездой...

Цветы для Ады.

Не верь девчонке!

Мы с восторгом осматриваем стену.

Одна из надписей содержит дату. Указание на год. Тысяча восемьсот семидесятый!

– Смотрите сюда!

Мы смотрим туда, куда указывает Архип. Цепь. Старая,

ржавая. И обломки кандалов.

– Эта шахта была одной из первых. Здесь работали самые опасные преступники. Их приковывали цепями к тачкам, чтобы они не сбежали. Лоскутки – самый старый район Чертоги. Все первые поселенцы-каторжане жили там. Вот откуда у жителей Лоскутков такая любовь к разрисовыванию домов... Их предки очень любили рисовать. Рисунки – это единственное, что у них было. Они жили в шахтах почти постоянно, эта камера служила чем-то вроде спальни. Их не выводили из-под земли целые месяцы. Эти рисунки помогали им вспоминать мир на поверхности.

Молчим. Пытаемся представить, каково это – месяцами не видеть солнечного света. Жить, скованными цепями, внутри горы, в сырости, холоде и почти полной темноте...

Мы смотрим друг на друга. Шахта немного нас оживляет. После смерти Гуся все как будто замкнулось в себе. Для всех будто остановилось время. Мы существовали, как зомби, не думая, не чувствуя, ничего не соображая.

Здесь, в шахте, мы снова оживаем.

После этого путешествия нам снова хочется быть такими, как раньше. Мы хотим построить где-нибудь для себя убежище, играть, смеяться и дурачиться. За дворами Старичьей Челюсти мы сооружаем шалаш из найденных листов железа, досок и оконных рам. Строительство длится несколько дней. Архип становится нашим командиром и отдает приказы. Таская с помойки и с заброшенных огородов материалы,

мы с воодушевлением строим планы: что мы принесем в шалаш? Во что будем играть?

Мы с гордостью смотрим на построенный шалаш, довольные своей работой. Архип придумывает разные занятия. Притаскивает сюда леденцы и клевою настольную игру.

Нам очень нравится Архип – с ним никогда не приходится скучать, он обязательно что-то придумает. Иногда с ним сложно, он бывает очень вспыльчивым, например, когда с ним споришь, поэтому я стараюсь соглашаться со всем, что он говорит. Ведь Архип старше, а значит, умнее, и чего с ним спорить? Архип всегда прав. Это просто надо принять.

Мы хотим покрасить наш шалаш в разные цвета. И придумать ему название. И установить над ним флаг.

Приносим сюда баночки с красками и кусок ткани для будущего флага.

Но все наши планы летят к чертям: на следующий день на месте нашего шалаша мы обнаруживаем гору обломков и надпись, сделанную одной из наших красок на доске, прибитой над входом в шалаш.

Убийца.

Мы смотрим на то, что осталось от шалаша.

Сломано буквально все. Банки с краской разбиты, ткань для флага порвана на клочки.

– Мы сможем построить новый... – Я пытаюсь взбодрить друзей. – Вот тут же, рядом!

– Они не отстанут, – хмуро говорит Архип. – Они везде

нас найдут. И будут мстить.

– Что же нам делать? Все время шататься по шахтам?

– Нет. Мы найдем себе место. Там, куда они точно не сунутся.

– И что же это за место?

Архип хитро улыбается.

И вот мы уходим на юго-восток, пробираемся сквозь забор из колючей проволоки, на столбах которого через каждые десять метров висит табличка: «Стоять! Опасная зона!»

Впятером стоим на берегу огромного карьера-отстойника, вдыхаем горьковатые пары цианида, любуемся трупами ворон и уток на иссохших берегах. Смотрим на огромную ржавую посудину у берега отстойника. Это баржа. Место, которое на многие месяцы и даже годы станет нашим вторым домом.

Место, где нас не найдут. Место, которое принадлежит только нам. Прекрасное, волшебное, удивительное место.

Но сейчас мы смотрим на него с ужасом.

Зеленая густая жидкость заполняет весь гигантский карьер. Повсюду виднеются пустые ржавые бочки – их тут сотни! Они плавают в озере отходов, валяются на берегах и просто навалены на земле целыми кучами – издали они кажутся большими ржавыми горами.

– Но, Архип... Этот карьер – ядовитый. Сюда стекают химические отходы с комбината, по-моему, цианид – это яд, он очень опасен! – пытаюсь я вразумить Архипа, но он так

злобно смотрит на меня, что я жалею о сказанном.

– Глупости! – Архип берет с земли палку, тыкает ею в обмазанный зеленой жижей труп вороны. – Отходы попадают в карьер вместе с водой – значит, яда тут очень мало. К тому же я где-то слышал, что в воздухе цианид не опасен, только в воде. И что организмы человека и животного как-то умеют этот яд подавлять. Он вредный только для растений, рыб и птиц.

Я беру вторую палку, и мы с Архипом вместе принимаемся толкать дохлую ворону в вязкую буро-зеленую гадость.

– Но... Мы же будем находиться здесь долго – это вредно... – пытаюсь я возразить, но Архип так страшно зыркает на меня, что я затыкаюсь.

– Все решено. Это не обсуждается. Теперь мы будем собираться здесь, на этой барже, – жестко заключает Архип. – Нам тут будет хорошо.

Мы тяжело вздыхаем. Удивительно, что больше никто не спорит – все верят Архипу. Всегда все происходит так, как он сказал.

Вот так это место и становится нашим вторым домом. В следующие дни внутри баржи раздается стук молотков – в трюме мы сколачиваем стол с лавками. Вешаем на стены плакаты. Мы приносим сюда много сахара и леденцов: сладкое помогает организму подавить вред от гадости, которой мы тут дышим.

Та к образуется наша команда.

Димка-картежник по кличке Туз. На маленьком плоском стальном прямоугольнике он выцарапал гвоздем пикового туза, заточил края и теперь хвастается перед всеми своей самодельной картой, показывает, как он ею ловко разрезает жуков на тонкие полосочки. Его отец работает мусорщиком. Каждый день мы видим его сгорбленную худую фигуру у помоек, где он сгребает мусор в одну вонючую массу. Туз живет в коммуналке, где, помимо него с отцом, живут еще пять семей. Все, о чем он мечтает, – это иметь большую ванную и собственный туалет.

Игнат мечтает о путешествиях, поэтому в компании его наградили кличкой Крузенштерн или сокращенно – Круз. Отец Игната обитает в канализации. Судя по тому, что в Чертоге с трубами столько проблем, отец его – единственный сантехник в городе. Мать Игната работает на приемном бункере при комбинате. Игнат мечтает увидеть весь мир, но за пределами Чертоги он был один-единственный раз: когда ему было лет семь, родители возили Игната в другой город в цирк. Все свои скудные знания о разных странах он приобретает из приключенческих фильмов, которые очень любит смотреть. Больше всего ему хочется посетить Коста-Рику. Игнат говорит, что там теплое голубое море, белый песок и пальмы. Даю на отсечение левое ухо и правую пятку, что он даже не знает, где это. Просто небось услышал про Коста-Рику в очередном фильме...

Отец Лехи Костылева уже совсем старый и всегда кашляет

– работа на рудниках сильно подкосила его здоровье. Мать работает на комбинате у печи. Работа тяжелая, температура до семидесяти градусов доходит! Костыль хочет накопить денег и получить высшее образование, чтобы его взяли на хорошую работу и родители могли наконец отдохнуть.

Чуть позже в компании появляется Илья Галахад. У него вся футболка в мелких дырочках, мы называем ее кольчугой, потому и прозвище ему дали в честь рыцаря Круглого стола. Ботинки у него тоже дырявые – все пальцы видать.

Вслед за Галахадом в команду вступает Егор, которому мы даем кличку Муха, на шее вместо крестика он носит засохшую жирную муху – говорит, она приносит ему удачу.

По сравнению с остальными членами нашей команды Архип сильно выделяется. Его отец и мать работают на Южных шахтах, но на поверхности занимают руководящие должности. Его семья считается одной из самых благополучных в Чертоге. Непонятно, почему он связался с нами – со своими чистыми волосами, рубашкой в клетку и заносчивыми манерами он мог бы подружиться даже с детьми из Голубых Холмов...

А он набрал себе друзей с чертожских помоек. Что ж, каждому свое. Но я не думаю, что сам бы так смог.

Архипа мы любим. Благодаря ему у нас теперь неиссякаемый запас чипсов и леденцов.

Мы полюбили баржу всей душой. Мы играем там в карты, поем песни, читаем комиксы, обсуждаем наши путешествия

до еще не изведанных шахт Чертоги, а после очередной вылазки рисуем по памяти карту местности, где мы побывали.

Теперь это место кажется нам очень уютным. Безопасным. В отличие от родных дворов, где нас теперь поджидает опасность...

Однажды вечером я возвращаюсь домой с баржи. Прохожу через Королевский двор. Из кустов вылезает вся наша старая компания. Мне становится страшно, я пячусь. Я помню шалаш – мальчишки все еще мстят нам за Гуся...

– Не бойся, бить не будем! – кричит мне Горыныч, который теснее всех дружил с Гусем.

– Не будете? – удивленно спрашиваю я.

– Не будем. – Пацаны подходят ближе. – Ты же не убийца. Но... – Небольшая заминка. Они обступают меня со всех сторон. – Ты снюхался с убийцей. И поэтому тебя надо прочить.

Я втягиваю голову в плечи. Молю боженьку о том, чтобы сейчас за секунду я оброс костяным панцирем.

– Как тебе быть в одной компании с убийцей? Ты как помоечный щенок, который пойдет с кем угодно за еду. И будет преданно лизать руку!

Я хочу сказать Горынычу, что он не прав, – но не успеваю. Недалеко раздается голос – такой родной голос! Хочется кричать от восторга!

– А ну отошли от него!

Метрах в пятнадцати с натянутой рогаткой в руках стоит

Архип, целясь прямо в Горыныча.

– А ну опусти! – кричит тот в ответ.

– Я насмерть бью голубя с тридцати метров! Что будет с твоим глазом, Горыныч, если я попаду в него с пятнадцати? Думаю, тебе придется сменить кличку. На Пирата, ха-ха!

Горыныч хмуро смотрит на нацеленную рогатку.

Архип оттягивает резинку еще больше.

– Выбирай, левый или правый?

Молчание.

– Твоя взяла! – наконец сдается Горыныч. – Мы уходим! Оберегай малька – у нас тут очень беспокойный район.

Пацаны разворачиваются и отходят от меня. Выдыхаю и дышу часто-часто – пока они были рядом, я, кажется, совсем не дышал.

Подходит Архип.

– Пойдем, провожу тебя, – говорит он и тянет меня за рукав куртки.

– А чего он сказал про малька, Архип? Я не понял.

– Неважно. На вот, съешь леденец. – Он протягивает мне карамельку. Я разворачиваю ее и отправляю в рот. – Теперь мне следует сопровождать тебя домой. А еще лучше, – он машет рогаткой, – научить тебя стрелять.

– О! Круто! Когда начнем? – Посасывая мятный леденец, я прыгаю вокруг Архипа от нетерпения, точно как щенок.

– Завтра. Вообще-то я пришел к тебе, хотел предложить на завтра вылазку в шахту – чтобы мы были только вдвоем.

Это секретная шахта. Но, кажется, планы поменялись. Пойдем учиться стрелять.

Всю ночь я ворочаюсь – не могу дождаться, когда мы с Архипом пойдем стрелять из рогатки! Она у него необычная, все это знают – он из своей рогатки даже бутылки с большого расстояния бьет! У мальчишек в наших дворах тоже есть рогатки, но не такие – бьют недалеко и слабо. Рогатка Архипа мощная! Намного мощнее игрушечных ружей.

* * *

– Куда мы идем, Архип? – я еле поспеваю за ним. – Не так быстро! У меня ноги короткие!

– Мы идем к границе. Будем тренировать твою меткость.

– К границе с Холмами?

– Да, мы идем к Холмам.

От удивления я замолкаю. Я не был в Холмах больше двух лет! С тех пор как прекратился наш с дедушкой бизнес. Там, наверное, многое изменилось...

Мы идем по лесу и видим вдалеке за сетчатым бетонный забор: граница. Раньше его не было. За забором – река. Та самая, которую мы с дедушкой переходили вброд.

Я хочу уже выйти из леса и подойти к забору, но Архип останавливает меня.

– Смотри! – Он показывает на верх забора.

Я прищуриваюсь и вижу камеры.

– Они снимают все, что вокруг. Чтобы к ним не лезли.

Камер нет только дальше на западе – где плотина.

Я киваю. Помню эту плотину.

– Но сейчас нам камеры и нужны.

Архип достает из кармана несколько белых шариков.

– Краска, – объясняет он. – Вчера весь вечер их делал. Твоя задача – попасть шариком в камеру. Если бы мы разбили ее камнем – охранники бы пришли сюда и поменяли. А если она будет заляпана краской – они подумают, что это птица и что дождь все смоем.

Сначала я тренируюсь, стреляя камешками в дерево в лесу. Архип подсказывает – показывает, как правильно держать рогатку и оттягивать резинку, как целиться.

Когда мне удастся бить точно в цель, Архип протягивает шарик с краской:

– Пора.

Я попадаю в камеру с четвертой попытки.

– Есть! – радостно кричит Архип и выходит из кустов к забору, отодвигает сетку снизу. – Ну, что, лезем?

Я неуверенно смотрю на забор.

– Ох! А стоит?

– Неужели тебе неинтересно, как идет строительство? Ты же говорил, что два года не был в Холмах. Там многое изменилось!

Мы пролезаем через сетку и оказываемся у бетонного ограждения. Друг подсаживает меня, помогая залезть на

верх забора, затем забирается сам. Мы вместе прыгаем вниз с обратной стороны. Это странное чувство – будто ты прыгнул в другой мир.

– Чувствуешь? Тут совсем по-другому пахнет, и как будто земля другая, мягче. – Архип ковыряет землю мыском ботинка.

Мы раздеваемся, переходим через речку, держа вещи высоко над головой.

Из леса выходим на дорогу, которая соединяет поселок с заводом. Я с грустью вспоминаю нашу с дедом работу: плотина, площадь, песни и баян...

Поселок сильно разросся. Появились парки для отдыха, много пешеходных дорожек, детские и спортивные площадки, фонтан. Все такое чистое, ровное, гладкое. Все сияет и переливается.

Мы идем по тропинкам из красивых плиток, мимо клумб и ажурных фонарей. Каждый дом, что видим, напоминает жилище гномов из сказки о Белоснежке. По стенам вьется плющ, у дверей стоят горшочки с цветами. Дома огорожены низкими каменными заборчиками.

Только утро воскресенья, а поселок уже совсем проснулся. Открываются окна – люди здороваются друг с другом и желают соседям доброго утра. На разных языках, но в основном на русском и английском. Также узнаю французские и немецкие приветствия – в свое время благодаря иностранным песням я познакомился с чужими языками.

Кто-то копошится в огороде, кто-то в саду пьет кофе и читает газету. Кто-то совершает пробежки. У одного бегуна все в одном цвете: синие наушники, синие кроссовки, синяя футболка, в руках – бутылка с водой, конечно же, с синей этикеткой.

Навстречу бегуну не спеша идет мамочка с коляской. То же вся модная: розовая коляска, розовая куртка.

Мы доходим до центральной части поселка – парка отдыха. На лавочках сидят люди в яркой одежде. Вокруг фонтана на велосипедах катаются дети. На газоне неподалеку от фонтана на клетчатых покрывалах отдыхают сладкие парочки, что-то едят и пьют. Вокруг качелей с маленькой собачкой наперегонки бегают нарядная девочка. Мальчик в синей матроске ковыряет лопаткой в песочнице.

Я вдруг задумываюсь, каково бы это было, если бы мы с дедушкой жили здесь, а не в Чертоге? Выращивали бы цветы в горшках. Устраивали бы пикники. У нас было бы клетчатое покрывало и корзинка, которую мы бы наполняли всякими вкусностями. Мы бы завели собаку. И гуляли бы с ней в парке. Дедушка подарил бы мне скоростной велосипед. Может, моя мама не бросила бы меня и осталась здесь... И у меня был бы папа. У нас была бы большая семья.

Какая-то неприятная мысль зарождается в голове и сплетает себе там уютное гнездышко. Я напрягаю мозг, пытаюсь поймать эту мысль, но она забралась очень глубоко.

Все, что мы видим вокруг, – этих людей, совсем не похо-

жих на нас, этот парк, эти дома... И все, что мы видим в Чертоге... От этого контраста как-то тревожно и неуютно.

Я вижу, как люди вокруг смотрят на нас. Мы чужие им, а они чужие нам.

В голове как будто произошел взрыв, который размазал мысли по черепной коробке. И чтобы понять, что именно на меня так повлияло, нужно разложить мыслишки по четким кучкам. Но у меня не получается... Лучше не думать об этом и съесть леденец – благодаря Архипу у меня их полный карман! Я грызу яблочную карамельку. Полегчало. Больше не хочется думать о тревожном.

Я гляжу на Архипа. Он хмуро смотрит на людей.

– Пойдем, – тяну я его за рукав. – Мы обошли весь поселок, тут больше нечего делать. Пойдем домой. Наши ждут.

Мы забираемся на пограничный забор, садимся на него, лицом к поселку нефтяников. У меня внутри становится как-то пусто...

– Что теперь? – спрашиваю я, елозя пятками по забору.

Архип задумывается, достает шарик с белой краской, прокалывает его найденным в кармане шурупом. Выводит краской на верхушке забора наши имена:

Кирилл Бобров и Архип Бойко.

Мне нравится, что он написал мое имя первым.

Он встает на забор в полный рост.

– Прощальный подарок, – объясняет он мне. – Оставим еще один!

Я слышу звук расстегивающейся «молнии» ширинки.

– Присоединяйся – будем потом всем хвастаться, что нассали на землю богатых иностранцев. Все обзавидуются!

Я с радостью присоединяюсь к Архипу и встаю рядом – идея мне очень нравится!

Я смотрю вокруг: в обе стороны до бесконечности тянется забор. Журчим, поливаем нефтяные земли. Лыблюсь во весь рот – да, это то, что нужно!

Я начинаю осознавать то, смутная мысль о чем у меня появилась там, у фонтана, в Голубых Холмах. Я смотрел на ярких людей. На дорожки. На красный велосипед щекастого мальчика. На голубое платье девочки. На желтую лопатку малыша в песочнице.

И первый раз в жизни почувствовал, что я – не один из всех.

Я никогда ничем не выделялся среди других. Я не бегал быстрее всех, не лазил по деревьям шустрее всех. Мои плоды никогда не выигрывали в соревнованиях. У меня никогда не было вещей, которые меня бы как-то выделяли среди остальных.

Я не пою, не танцую, не учусь лучше всех.

Я не толстый и не худой. Не высокий и не низкий. Глаза и волосы – не темные и не светлые.

Я всегда держался в середине, был как все.

И тут. Вдруг. Я понял.

Я – не самый обыкновенный ребенок.

Я не просто Кирилл Бобров и не просто десятилетний мальчишка.

Я – мальчишка из самого бедного района Чертоги. И еще я понял, что это где-то очень далеко, далеко ото всех. Та к далеко и глубоко, откуда мне не выбраться.

Я вспоминаю недовольный взгляд Архипа, когда он смотрел на всех этих чистеньких людей. Думал ли он о том же самом? Не знаю. Но сейчас мы здесь, на высоте, на границе между двумя поселками. Мы улыбаемся. Нам хорошо. Мы радостно поливаем Голубые Холмы и на короткое время чувствуем себя властелинами мира.

Глава 4

Мое десятое лето проходит зачупато.

Архип делает для меня классную рогатку, она бьет даже лучше, чем его. Теперь он за меня спокоен, с такой рогаткой мне никто не страшен во дворе. И теперь он больше не сопровождает меня до дома – это печально, мне нравилось, когда Архип меня провожал.

Мы объявляем войну Горынычу и его компании: нам надоело, что они чувствуют себя королями Старичьей Челюсти. Они запрещают нам гулять по территории района, но мы все равно там ходим, ведь сейчас нас на барже уже много, и мы наконец можем дать отпор врагам.

Поэтому в июле у нас первая официальная жарня с ком-

панией Горыныча.

Вооружившись камнями, игрушечными пистолетами на пуляках, палками и рогатками, мы отправляемся в бой.

Противники укрываются за баррикадами, наспех построенными из деревянных паллетов, обломков старой мебели и автомобильных шин.

Июль, стоит ужасающая жара, горят торфяные болота и плавятся мусорные кучи. От смеси едких запахов, горящего торфа, пота и мусора до слез щиплет глаза.

Горыныч и его компания прячутся за своими заграждениями и целятся в нас из рогаток.

Мне немного страшно. Архип хлопает меня по плечу:

– Не бойся, братишка. Просто держись у меня за спиной и не высовывайся. На, вот, съешь конфетку.

Я грызу лимонную карамельку – это немного успокаивает.

Братишка... От этого слова приятное тепло растекается по всему телу.

Камень, ударяющий мне в бок, выводит меня из размышлений, и я сосредотачиваюсь на битве.

В руках у меня рогатка, карманы набиты круглыми камушками.

В нас летят камни. Архип обстреливает баррикаду противников из своей мощной рогатки, и вскоре враги понимают, что у нас явное преимущество.

Мы медленно продвигаемся вперед. Кто-то стреляет из пистолета с той стороны, и пуля попадает мне прямо в нос;

я чувствую, как по губам течет кровь.

Мы кидаем за баррикаду камни и куски кирпичей и слышим вскрики.

Мы пробиваем оборону и расстреливаем врага.

Грязные, в крови, вытираем сопли и смотрим, как противники, хромая, убираются прочь.

Это войны за территорию.

Нам предстоит еще очень много подобных сражений...

* * *

После нашего с Архипом похода в поселок нефтяников я начинаю замечать, что с ним происходят какие-то странные изменения, слишком уж много внимания он стал уделять Голубым Холмам и его жителям. Он часто отправляется туда один, меня не зовет, что он там делает с утра до вечера – непонятно. Мы спрашиваем, но он отмалчивается. Только потом, когда вернется, нет-нет да и скажет что-нибудь гадское про Холмы.

Однажды, когда мы на барже играем в карты, Архип говорит:

– Я тут побывал за забором... Видел девчонку одну. Ух и противная у нее рожа! Как вот у этой карточной дамы. Идет, нос задрала, фу-ты, ну-ты. И на меня так посмотрела, как будто клопа увидела. Жаль, с ней родители были, а то ободрал бы ей косы...

В следующий раз он вспоминает Холмы во время похода в шахту, когда мы делаем привал. Архип достает из рюкзака перекус и вспоминает:

– Пацан такой щекастый там был... Пузо во как отвисло! – Он проводит ребром ладони по коленям. – Жирный, аж противно! Он один небось сжирает раз в десять больше еды, чем у нас с тобой сейчас на двоих!

Когда мы у него дома склеиваем самолетик из картона, Архип бурчит:

– А эти иножопы своим детям покупают самолеты с радиоуправлением. Я недавно видел, как один в парке таким играет. И зачем им такие дорогие и сложные игрушки? Все равно тупые и все ломают. Представляешь, он свой самолет в фонтан загнал, тупица.

Я молчу. Я никогда не слышал ни от кого из наших это слово – иножоп. Оно смешное и мне нравится. Но наверняка Архип не сам его придумал, а подхватил у кого-то из взрослых – может, у своего отца, – как перенял и нелюбовь к жителям Холмов.

А однажды поздним летним вечером Архип приходит ко мне и зовет меня пойти с ним в Холмы.

– Зачем? – удивляюсь я. – Зачем ты все время туда ходишь? Там же скучно.

И еще я замечаю, что каждый раз, когда он ходит в Холмы или вспоминает о них, у него портится настроение. Он потом долго хмурится и злится. Зачем делать то, из-за чего

расстраиваешься?

Мне не хочется выходить из дома, ведь уже поздно и я только помылся.

– Увидишь, – загадочно говорит Архип.

Я заглядываю в комнату бабушки. Оттуда раздается храп.

Тяжело вздыхаю. Делать нечего, с Архипом нельзя спорить. Я не понимаю, почему мы идем так поздно, но раз Архип позвал, значит, так надо.

На этот раз мы идем через плотину, делаем небольшой крюк, зато не лезем в воду. Уровень воды в реке упал, и на плотине почти совсем сухо, мы даже ноги не замачиваем.

На улицах поселка нефтяников совсем нет людей, все сидят в своих теплых уютных домиках. Фонари освещают пустые дорожки. Архип ведет меня по улицам, высматривает что-то во дворах.

– Что мы ищем? – спрашиваю я, делая странные движения, от которых моя тень на асфальте принимает причудливые очертания.

– Вот он! – Архип останавливается у одного из домов, к стене которого приставлен красный велосипед.

Я его узнаю – на этом самом велосипеде в парке катался щекастый мальчик, когда мы с Архипом здесь были в прошлый раз.

Архип оглядывается по сторонам, быстро хватается за руль и, катая велосипед, убегает с ним прочь. Я мчусь за ним, ничего не понимая.

Мы выходим из поселка в лес. Архип останавливается, бросает велосипед на землю, достает из рюкзака бутылку с какой-то желтоватой жидкостью и спички. Он поливает велосипед из бутылки. В нос бьет запах керосина. Архип бросает зажженную спичку на велосипед, и я с восторгом наблюдаю, как разгорается огонь, как чернеет и вспучивается краска, как плавится и течет резина на колесах.

– Зачем? – шепотом спрашиваю я.

– Он не заслуживает такого велика, – злобно шипит Архип. – Эта жирная ленивая свинья. Он не заслуживает. Никто из этих детей не заслуживает того, что у них есть, это место слишком хорошо для них. Они думают, что они лучше нас, но это не так. Мы им это докажем.

Я не до конца понимаю Архипа, но у меня в голове в своем гнезде снова зашевелилась та мысль, которая обосновалась там в предыдущий наш с Архипом поход в Голубые Холмы.

И, кажется, она снесла там яйцо, из которого вылупляются новые мысли.

Те, кто здесь живет, обладает каким-то преимуществом. Оно позволяет им свободно перемещаться туда, куда они захотят, иметь все, что захотят. Но как они его получили? За что? За хорошие оценки в школе? За то, что каждый день убираются дома и моют посуду после того, как поедят? Выносят мусор? За что? Почему все вокруг – солнце, вода, воздух, весь мир – для кого-то другого, не для нас?

Следующие два года проходят довольно спокойно и обычно.

Наша баржевая команда растет, Архип принимает новичков. Нас становится много, и я даже в шутку говорю, что Архип набирает себе армию. Откуда я могу знать, что это окажется правдой...

Немного меняются интересы, я помню день, когда кто-то первый раз притащил на баржу мужской журнал. Через время к нему прибавился еще один и пара банок пива, еще через время – пачка сигарет.

Мне не нравятся такие журналы, девушки в них кажутся мне слишком толстыми и большими. Мне скучно их листать. Сигареты для меня слишком едкие – я от них кашляю. Пиво на вкус кажется мне горьким...

Я думаю, что большинству мальчишек на барже тоже не нравятся эти новшества, но они терпеливо листают журналы с сигаретой в зубах, изредка прикладываясь к банке пива. Они подражают взрослым ребятам, думают, так выглядят солиднее. Но я смотрю на них, на всех этих прыщавых цыплят, которые еще недавно шнурки сами не умели завязывать, и мне становится и смешно, и грустно.

Двенадцатая осень приносит мне огромный сюрприз. Начинается учеба, я перехожу в пятый класс.

Школа. Вдыхаю прекрасные, такие родные ароматы: запах мела, краски, потных кроссовок и гнилых рам.

В этом году в нашей школе принимают какую-то социальную программу и отбирают десять счастливиц. Самых умных детей, из разных классов, переводят в школу в Голубые Холмы. Последний месяц все только об этом и галдят, кто-то от души рад за избранных, задумался, что это шанс, и теперь сам больше времени уделяет учебе; кто-то, как Архип, считает их предателями и начинает неприкрыто их травить, он заставляет и нас – всю свою компанию – делать им гадости. Мы называем их по-разному: предатели, перебежчики, продажники – за то, что продались за бесплатные завтраки. Теперь мы подлавливаем их по дороге к Голубым Холмам, встречаем у ворот на границе после школы, делаем все, чтобы наказать перебежчиков за их предательство. Мы всегда их преследуем, кричим им вслед обидные вещи, кидаем в них камни. Здесь, до границы, они беззащитны, но как только они пересекают пограничную черту – им уже ничего не угрожает. У них есть пропуск, а у нас его нет. Мы стоим и смотрим, как там, за чертой, их подбирает желтый автобус и вместе с другими детьми везет в их новую школу. В лучший мир, прочь от грязи и жестокости. А мы уходим, чтобы прийти к границе снова, когда кончатся занятия. Поджидаем жертву.

Мне не нравится то, что мы делаем, но я не могу сказать об этом Архипу. Я не разделяю его злости, радуюсь за счаст-

ливчиков и вовсе не считаю их предателями, но, желая уго-
дить Архипу, стараюсь кидать камни сильнее всех и кричу
громче всех, когда мы преследуем перебежчиков.

Они идут группкой, понутив голову, прикрываясь рука-
ми. Молча. Они теперь всегда здесь молчат. Ходят, как при-
зраки и тени: ни живые ни мертвые.

Когда мы идем за ними, я всегда думаю о том, что сейчас
происходит у них в головах? Ненавидят ли они нас? Считаю
ли себя виноватыми?

Холмы меняются. Там уже все достроили, народу теперь
там – целый улей.

В Холмах построили маленький стадион, небольшой
спортивный комплекс, торговый центр. У них теперь даже
есть роллер-парк.

– Хей! – кричит Архип вслед перебежчикам во время на-
шего очередного преследования. – Игорек! Я знаю, что твой
батя взрывник на шахтах. Уважаемый человек здесь. Как ему
в глаза соседям теперь смотреть? Небось теперь стыдится
своего сына, который готов за бесплатные завтраки амери-
канские дороги лизать. И французские ботинки. И немецкие
задницы. Ха-ха!

Архип очень доволен собственным остроумием. Он по-
вторяет слова про бесплатные завтраки и лизание и добавля-
ет что-то про шведские унитазаы, итальянские канавы и ан-
глийские горшки.

Я смотрю, как Игорек – низкорослый худой парнишка с

копной рыжих кудрявых волос – быстро-быстро перебирает ногами-спичками и закрывает голову портфелем. Очень умный мальчик, Игорек младше меня на год, ему сейчас одиннадцать. Он учился в одном классе со мной... Мы не дружили, Архип зорко следил за тем, чтобы члены его команды водили дружбу только между собой. Но он мне нравился. Я всегда был в полном восторге от того, какие классные фокусы с самодельными петардами он устраивает за школьным двором.

– Ты чего прохлаждаешься? – Архип грубо пихает меня локтем. – Ты еще ни одного камня не кинул! На вот, держи, – протягивает он мне большой камень с острыми краями.

Мне не хочется его кидать, но я все равно это делаю и попадаю Игорьку прямо по портфелю.

Очень довольный моим броском, Архип побуждает меня кинуть еще камень.

И еще.

Вечером я делаю домашнее задание. Решаю задачу по математике.

Из тарелки Катя взяла половину слив. Второй раз Катя взяла еще половину. После этого осталось двенадцать слив. Сколько всего слив лежало в тарелке? И сколько слив взяла Катя?

Хм. Я определенно учусь в классе для дебилов. Дрискать Катя будет дальше, чем видит, вот мой ответ. Она же тридцать шесть слив слопала.

Мне не нравится учеба, все, что мы проходим, кажется слишком легким, и лень тратить свое время на расписывание задач, которые в уме можно решить за секунду.

Я откладываю ручку и задумываюсь. Думаю о том, что сегодня произошло. И о задачке по математике. Учеба дается мне легко. А что, если... Вдруг я попаду на следующий год в десятку счастливиц? И меня переведут в школу в Холмах? Ведь было бы круто?

Они берут тех, у кого отличные оценки по математике, русскому языку и кто хорошо знает английский.

Я подхожу по этим критериям. У меня есть шанс.

Взрослые в Чертоге любят мечтать: мой сын станет адвокатом... Моя дочь станет врачом... Мои дети вытащат нас из бедности, и нам не придется больше работать... Это все пустые слова. Наша школа не дает хорошего образования, и многие не видят смысла стараться по учебе. Зачем? Все равно все после школы попадут на шахты... Мало кто переходит в девятый класс, большинство бросают школу после восьмого. Ведь надо помогать родителям. Но теперь... Теперь у нас действительно появился шанс.

Поймет ли меня Архип? Думаю, да. Все эти преследования – они кажутся мне ребячеством. Пора взрослеть и просто принять, что если кто-то стремится к лучшему, то он этого достигнет. Кто топчется на месте – тот и дальше будет стоять на месте.

Я не такой. Я не хочу топтаться на месте.

После математики я беру учебник английского и делаю несколько дополнительных упражнений, которых нам не давали.

Архип поймет. Я уже представляю, как все будет. Он встречает меня у ворот после школы, мы идем вместе домой, я рассказываю о том, как интересно прошел мой день в новой школе. Архип протягивает мне мятный леденец, а я угощаю его какой-нибудь вкусняшкой, купленной в Холмах.

А потом... Я смогу подтянуть его по учебе, и он попадет в третий десяток счастливых. Мы начнем хорошо учиться, и потом нас возьмут на хорошую работу. Мы купим два стоящих рядом одинаковых домика в Холмах и станем соседями. По утрам будем вместе ходить на работу.

Архип поймет. Он – мой друг. Он порадует за меня.

И, как всегда, мы будем вместе.

Архип Бойко и Кирилл Бобров.

Архип и Кирилл.

Кирилл и Архип.

Это никогда не изменится.

* * *

Архип прививает нам какие-то странные идеи. Мы пока что не сталкивались с таким и не знаем, какое название этому дать.

На барже ужесточились правила: теперь каждый новичок

должен проходить посвящение. Наша команда постепенно превращается в банду, и мне это не нравится. Архип берет в команду самых злющих и мальчишек из бедных семей и промывает им мозги, убеждает, что во всех их бедах виноваты те, кто живет по ту сторону забора. Посвящение обычно для всех одинаковое. Новичок должен перелезть забор и сделать в Холмах какую-нибудь гадость – сломать качели, взорвать почтовый ящик, наложить кучу в цветочный горшок.

Новичка должен сопровождать кто-то из старожилков для того, чтобы убедиться, что задание выполнено.

Однажды майским вечером Архип тайком приходит ко мне, зовет меня на плотину.

Мы подходим с ним к забору у плотины и прячемся в кустах.

– Чего мы ждем? – интересуюсь я.

– Тс-с... Тихо! Скоро узнаешь.

Через некоторое время я слышу топот: в темноте мелькают человеческие силуэты. Они друг за другом подходят к забору. Слышу тихие разговоры: судя по голосам, это взрослые ребята. В руках у них что-то типа дубинок. Один за другим они перелезают через забор и уходят в глубь Холмов.

– Зачем они идут в Холмы? Кто они? Что они собираются делать?

Архип загадочно улыбается:

– Они крутые. Когда-нибудь мы станем такими же, как они.

* * *

Наступает мое тринадцатое лето. Мы с Архипом открываем сезон походов в шахты в этом году.

Я полюбил рудники всей душой. Житель Чертоги не может без шахт – это у нас в крови.

Сползаю вниз по рудоспуску. Это – мой первый спуск на глубину более трехсот метров. Южные шахты – самые протяженные и глубокие.

Рудоспуск представляет собой наклонную полость, выдолбленную в скале под землей, укрепленную деревянными балками, по которой вниз, на транспортный горизонт, перемещается добытая руда под собственным весом.

Втягиваю носом душный воздух. Чем ниже мы спускаемся, тем тяжелее дышать. Пахнет плесенью и паленым деревом. Налобный фонарик освещает низкий свод. Страшно – этот рудоспуск больше похож на кротовую нору. А вдруг мы застрянем? А вдруг случится обвал?

Каменные стены покрыты паутиной плесневых грибов. Белые тонкие нити мицелия переплетаются, образуя причудливые узоры.

Впереди, чуть ниже, спускается Архип. Здесь очень тесно, мы двигаемся на корточках, задом наперед. Мои ноги все время соскальзывают, из-за чего на Архипа сыплются камни и пыль. Он ругается.

Наконец мы оказываемся в самом низу – в штреке. Это длинный тоннель, стены и свод которого скреплены балками. В темноту уходят рельсы. Этот штрек очень старый, здесь часто случались обвалы, половина балок обрушена, на путях огромные каменные глыбы.

Под ногами пока сухо, но мы знаем, что дальше будет все затоплено. Мы направляемся в долину подземных водопадов.

Мы садимся на рельсы, делаем привал. Архип достает из рюкзака карту, которую мы сами рисовали. Хотя не совсем – нам помогал один из соседей Архипа, работавший когда-то на этой шахте.

Почему-то мне становится очень жарко, и я расстегиваю куртку.

Я уже потерял счет, сколько раз спускался в шахты. Походов было очень много за все то время, что мы с Архипом дружим.

Я достаю из рюкзака сухари и воду. Хрустим сухариками и изучаем карту – она сложная даже для Архипа. Он хмуро смотрит на нее, вертя так и эдак. Что-то мне подсказывает, что мы сбились с пути.

– Мы заблудились? – со страхом спрашиваю я.

Мы спустились так глубоко... Шли так долго... Нас тут никто не найдет.

– Не бери в голову, сейчас я нас выведу. Не трись, и на, вот, съешь леденец.

Я грызу леденец со вкусом барбариса. Как всегда, это успокаивает. Архип нас выведет, он взрослый и мудрый. Архип всегда найдет выход.

– Все, я разобрался! – восклицает друг. – Перепутал два спуска... Все в порядке, нам нужно спуститься на еще один уровень.

Архип берет сухарик, разжевывает его и запивает водой, потом с тоской смотрит на наши припасы и говорит тихо-тихо:

– Наверное, всем этим детям из Холмов наши увлечения показались бы дикими...

Опять он за свое. Снова портит себе настроение навязчивой темой!

– Почему ты так думаешь?

– Пещеры, грязь, сырость... Вода и сухари. Мы для них как крысята с помойки.

– Но, Архип... Твоя семья живет гораздо лучше других семей в Чертоге. Ты живешь лучше любого человека в Старичьей Челюсти.

Он кивает:

– Знаю, но... Но это ничто по сравнению с тем, как живут эти дети. У меня никогда не будет таких качелей, как во дворах их домов. И такого велосипеда. Они с родителями по выходным идут в парки. Расстилают на газоне гребаное покрывало – оно стоит дороже, чем кровать, на которой я сплю. Достают из корзинки еду. Свежий хлеб, мясо, овощи,

вино... Будто в чертовом рекламном ролике про идеальную жизнь. Будто сейчас из кустов вылезет какой-нибудь дядька с безумной улыбкой и начнет впаривать нам витамины. Или стиральный порошок. Но это не долбаный рекламный ролик. Это их жизнь. И сейчас я не понимаю, почему так. Что с нами не так? Мы сделали что-то плохое? Нет. Мы такие же, как они. Просто... Как будто мир создан и предназначен для них. Все для них. А мы – отбросы. Ты видел их магазины? И тележки, полные еды? Ты живешь так? Ты хотя бы раз в жизни пробовал ту еду, которая в их тележках? Мы едим консервы и фарш из субпродуктов. Покупаем продукты, у которых закончился срок годности. Мы редко едим фрукты и овощи... Но все время добавляем в еду чеснок – ведь в нем много витаминов. Ты знаешь, я все чаще ловлю себя на мысли, что ненавижу их всех. Людей, которые живут, как в рекламных роликах. Меня это пугает, но я ничего не могу с собой поделать. И я ненавижу чеснок!..

Архип отправляет в рот последний сухарик. А я молча обдумываю все, что он сказал. Он раньше так не откровенничал. И я не знаю, как к этому относиться. Некоторые его мысли похожи на мои. Мы думаем одинаково. Но это – плохие мысли. Та к нельзя.

– Пошли, – говорит Архип, прерывая мои размышления. Он встает на ноги. – Идти еще долго.

Но мы так и не находим долину водопадов. При очередном спуске у меня соскальзывает нога, и я кубарем качусь

вниз, слышу хруст костей: во мне что-то сломалось. Ударяюсь головой о камень и вырубаюсь.

Прихожу в себя и щурюсь от яркого света. Я лежу на поверхности. Архип вытащил меня из-под земли. Как – не представляю. Мы уже спустились почти в самый низ. Архип тащил меня вверх через все уровни, по скользкому рудоспуску и шатким лестницам.

Я пытаюсь поднять голову.

– Не шевелись. – Архип удерживает меня, не дает приподняться. Но я все равно поднимаю голову и вижу свою ногу, которая лежит как-то странно, как будто отдельно от меня.

Я размыкаю губы, из меня готов вырваться крик, но Архип сует мне в рот леденец.

– Не ори. Грызи конфету и успокойся. Я побегу за помощью.

Я опускаю голову на землю, смотрю на облака. Грызу леденец со вкусом смородины. Стараюсь дышать медленно и не думать о плохом.

Архип прибегает назад быстро: он нашел помощь на действующих шахтах и вернулся ко мне вместе с работниками, которые захватили с собой что-то наподобие носилок.

Меня уносят от шахт и доставляют в больницу.

Архип навещает меня каждый день. Приносит оладушки, хвастается, что сам их испек.

Также меня навещает дедушка. Он приносит суп с фрикадельками и ругается, что я выел ему плешь на голове, про-

грызаю черепушку и уже добираюсь до мозга.

К первому сентября я полностью выздоравливаю и уже разгуливаю без гипса.

Новый учебный год несет крупные перемены. В первую же учебную неделю меня вызывают к директору. Меня и еще девять других учеников нашей школы вызывают, чтобы сказать нам, что мы прошли отбор по программе.

Нас переводят в школу в Голубых Холмах.

Глава 5

Меня вызывают к директору после последнего урока. С тоской плетусь в учительскую, вытираю о штаны липкие от пота ладони и думаю, где же я накосячил.

Открываю тяжелую скрипучую дверь и в полной растерянности топчусь на пороге.

– Проходи, проходи, – говорит директор, который склонился над столом вместе с завучем. – Садись.

Я послушно усаживаюсь на стул перед ними. Пальцами нервно стучу по сиденью: у них на столе – наш классный журнал за прошлый год.

Где же я накосячил? Что успел натворить? Вроде плохих оценок нахватать не успел, за предыдущий год так и вовсе выбился из середнячков в успевающие. Может, повариха настучала, что мы с Архипом в столовой устроили войну и пулялись картофельным пюре? Или уборщица сдала нас, разо-

злившись, что мы презерватив с водой в туалете лопнули?

– Мы видим твои успехи, Кирилл. – Директор задумчиво листает страницы журнала. – Ты показываешь блестящие результаты!

Вот это поворот! К чему он клонит?

– Помнится, в прошлом году мы хотели отправить тебя на областные олимпиады по английскому и по математике. Уверен, ты бы занял первые места. Просто золотая голова... Жалко, что ты не смог побороться за нашу школу.

Я смущенно смотрю в пол, разглядываю дырочки в линолеуме. Я сказал тогда, что дедушка болеет, но на самом деле... Просто не хватило бы денег на дорогу. Просить же у учителей не захотелось.

– Перейдем к делу. – Директор откладывает журнал и внимательно смотрит на меня своими маленькими глазками, блестящими за толстенными стеклами очков. – Ты знаешь о социальной программе, которую мы ввели в прошлом году. Об отборе лучших учеников и переводе их в спецшколу при нефтяной корпорации. Мы отобрали десять учеников. Они хорошо проявили себя, и программу решили продлить еще на год.

Я впиваюсь руками в сиденье стула. Мне кажется, что он шевелится и брыкается подо мной, еще чуть-чуть – и он сбросит меня на пол. Чувствую, что из-под волос по лбу течет пот. Он щекочет кожу, попадает в глаза.

О чем говорит директор? К чему клонит? Ну же, не тяни!

Неужели?..

– Да, Кирилл. – Глаза за стеклышками так и сверлят меня. – Мы решили включить тебя во вторую десятку избранных. Поставь здесь свою подпись... – Директор протягивает мне какие-то бумаги. Я машинально рисую подпись. – И еще нужна подпись твоего дедушки. Ждем его в пятницу. Ему мы скажем, какие документы нужны для перевода.

Я выдыхаю – и удивляюсь: оказывается, я не дышал почти минуту!

* * *

Я бегу домой спотыкаясь – мне и страшно, и волнительно. Сердце в груди – точно малюсенькая пташка, которая отчаянно бьет крылышками и хочет вырваться на свободу. Вот это да! Да я же лечу!

Я бегу, а все вокруг кажется мне прекрасным. Лужи под ногами, серые тучи над головой, холмы с выцветшей травой, хмурые дома и дворы, кособокие сараи, выпирающая из них рухлядь, грядки с трупиками морковок, вылинявшее белье, болтающееся на веревках, натянутых между бараками... Все вдруг заиграло яркими красками.

Попасть в десятку счастливчиков... Да об этом же мечтают все дети Чертоги!

Дома, едва раздевшись, на кухне я рассказываю дедушке потрясающую новость и жадно пью воду из банки: когда вол-

нуюсь, я все время много пью. Я выдул целый литр!

– Куда ты? – кричит дедушка с площадки, когда я мчусь вниз по лестнице – прыгаю через две провалившиеся ступеньки.

– К Архипу! – кричу я в ответ.

– Надень хотя бы второй ботинок, я уже не говорю про штаны! – слышу я сверху.

Я останавливаюсь на ступеньке. Задумчиво гляжу на черный ботинок на правой ноге и на красный носок на левой. А потом на синие трусы. Да, дедушка прав, так идти нельзя. И когда я успел раздеться? Не помню.

Я быстро возвращаюсь, надеваю штаны и второй ботинок, хватаю куртку и лечу к Архипу поделиться своей радостью. Дома его нет – но я знаю, где он. Мчусь к карьеру, на баржу. Я так быстро перемахиваю через забор, что рву штаны на заднице о колючую проволоку. Но мне все равно! Меня просто распирает от желания поделиться новостями!

Ботинки застревают в вязкой зеленой массе. Ноздри липнут друг к другу – воздух здесь какой-то густой и тягучий. В горле першит.

Вон она, наша ржавая железная любимица!

Поднимаюсь по пружинящей доске, которая нам служит мостком. На палубе останавливаюсь – слышу какие-то странные звуки, похожие на кряхтение.

Иду к корме, и... Вижу такое, от чего мои ноги будто гвоздями прибивают к палубе. В горле моментом пересохло –

как будто я не пил воду двое суток. Волоски на ногах и руках встают дыбом – как шерсть на загривке у испугнутого кота.

Архип вешает человека. Держит в руках конец веревки, перекинутой через трубу над палубой, а в петле на другом конце болтается мальчишка – наш новенький. Он появился в нашей команде недавно, я даже не знаю его прозвища.

Новенький и издает это жуткое кряхтение. Его лицо искажена жуткая гримаса, глаза от ужаса стали размером с блюдца. Он держится за веревку, отчаянно пытаюсь подтянуться, и дергает ногами.

А Архип... улыбается. Господи, я помню эту улыбку, так он улыбался тогда, на мусорной куче под судными трубами, в день, когда Гусь упал на осколки бутылок.

Вся команда в сборе, все окружили Архипа и несчастного мальчишку. Ничего не делают, ждут чего-то...

– Что ты творишь? – кричу я и подбегаю к Архипу, толкаю его изо всех сил.

Он падает, выпуская веревку, и мальчишка мешком плюхается на палубу.

Архип лежа злобно смотрит на меня.

– Он – предатель! – шипит он.

– Что он сделал такого? Ты же его убить мог!

Я помогаю бедному мальчонке снять петлю и подняться на ноги. Он потирает шею трясущимися ручками, его слабые ножки дрожат.

– Он – предатель! – Архип встает и тычет пальцем в бед-

нягу. – Он наврал нам! Он на крови клялся, что за нас. Что будет выполнять все правила нашей команды. А сам... предал!

Ох уж эти правила... Архип расписал их на целый том и торжественно расклеил по всей барже. Треть их больше похожа на нацистские лозунги – это разные пафосные фразы о свободе и справедливости. Правила говорят, что мы должны ненавидеть тех, кто живет по ту сторону пограничной черты и забора. Они – виновники всех бед Чертоги. Они забрали себе то, что предназначалось нам.

Я никогда не относился к этому серьезно. Я думал, что это просто очередная игра, не более. Но все оказалось совсем не так...

– Он скрыл, что его берут! Что его отобрали в очередную десятку перебежчиков! Вот, погляди, что я сегодня из учительской спер – это список! Перечень этих чертей! И его фамилия там! И подпись! – Архип достает из кармана смятый листок и кидает его мне.

Я пытаюсь развернуть листок, но онемевшие пальцы не слушаются.

Только бы моей фамилии там не было. Только бы ее не было...

Уф! Ее нет. Это неполный список – не хватает троих, меня в том числе, – Архип украл его перед тем, как я поставил свою подпись. Но почему второй части списка тут нет?

– Я убью их. Найду и всех убью. – Глаза Архипа горят.

Красное лицо перекошено от злости. Я никогда раньше не видел его в таком состоянии – будто сам черт в него вселился! – Они не доживут до того дня, когда перейдут в ту школу!

– Архип, давай отпустим его сейчас, потом решим, что с ним делать, – тихо говорю я и осторожно кладу руку на плечо друга. – Пойдем домой. Ты заболел, тебе нужно в кровать – сложные вопросы оставим на потом.

– Ты прав, я что-то плохо себя чувствую – знобит всего. – Он действительно весь дрожит – а лицо теперь не красное, а бледное. – И голова кружится.

Я смотрю на новенького, киваю ему, мысленно приказывая бежать. Мальчишка понимает меня, и через секунду его уже и след простыл.

Мы отводим Архипа домой.

Поздним вечером у себя дома я хожу по коридору, пружиня на шатких половицах, и с тоской думаю, что же мне теперь делать.

Мне не хватает воздуха, в квартире слишком душно. Выхожу на балкон, смотрю на тусклый свет окон в доме напротив и глажу нашу корову.

Теперь я уже думаю, что друг вряд ли за меня порадует-ся. Он станет радоваться, когда я буду болтаться в петле над палубой.

Черт. Это плохие мысли, неправильные. Он же мой лучший друг! Архип не повесит меня! Лучшие друзья не вешают друг друга на палубах заброшенных барж. Не вешают, что

бы ни случилось!

Ой ли?.. Я в этом уже не уверен.

Как же мне ему сказать?

– Что мне делать, моя роднуля? – Я смотрю в печальные проволочные глаза коровы, но не жду ответа.

И вдруг становится как-то слишком тихо.

Я больше не слышу трепыхание крылышек.

Маленькая пташка в моей груди больше не бьется. Она умерла.

Глава 6

Я так и не смог сказать ему. У меня было столько возможностей...

Я мог бы сказать ему в школе, когда он слонялся возле учительской, ожидая, когда все выйдут, чтобы пошарить там в поисках недостающей части списка. Он ходил кругами и повторял одно и то же. Говорил, что найдет их, отловит по одному. Первого повесит. Второго утопит. Третьего сожжет. Четвертого. Пятого. Шестого...

Я мог бы что-то сказать, вставить несколько слов между его заключениями об участии четвертого и пятого или шестого и седьмого.

Я мог бы заметить: «Хей, Архип, а я ведь тоже есть в списке. Я восьмой».

Я ему не верю. Не хочу верить.

Это не мой Архип – мой Архип хороший, понимающий, добрый ко мне друг. Он дарит мне конфеты, всегда вытаскивает из неприятностей. Он просто с виду кажется злым и жестоким, но в душе Архип добряк. Он не может так со мной поступить, ведь я его лучший друг. Ведь это же мы – Архип и Кирилл. Но почему же тогда я до сих пор ему не сказал?

Я мог бы сказать ему на барже за игрой в карты, или когда мы шли домой из школы, или вечером, когда смотрели фильм у меня дома, или когда сидели на кухне и ели вкуснецкий луковый суп. На улице. На уроках. В понедельник. Во вторник. В среду. В любой из дней следующих двух недель, в течение которых нам, отобранным ученикам, предстояло подготовиться к переходу в новую школу – пройти медосмотр, собрать многочисленные справки и бумаги.

И сегодня вечером, в четверг, когда Архип прибегает ко мне, и мы вместе топчемся на балконе, я тоже могу сказать ему, но не говорю.

Архип сообщает потрясающую новость: он подслушал разговор в учительской и узнал, что завтра вся десятка вместе с родителями припрется в школу подписывать документы о переводе.

– Наконец-то завтра мы сможем увидеть всех этих вонючих перебежчиков – а потом зададим им жару! – Архип довольно потирает руки. – Они не отделаются легко!

Ну же... Скажи ему! Это – последний шанс. Признайся, может, тогда он тебя не повесит.

Но колени дрожат от страха. Я не могу ему сказать.

– Да! Зададим им! – Я размахиваю кулаками, бью по корове, показывая, как гневаюсь на чертовых перебежчиков. Корова недовольно поскрипывает.

– Завтра пойдем вместе к школе? Я узнал, они в шесть вечера собираются.

– Да! Пойдем вместе!

Зачем я соглашаюсь? Что я творю? Я же иду вместе с девушкой, нам должны выдать пропуск и приглашение... Что я делаю? Как мне выкручиваться?

Архип уходит, а я еще долго стою на балконе. Во что я вляпался? Что же будет завтра?

Вокруг меня все горит. Мы все горим. Горит наша дружба. Сгорают все мои тринадцать лет. И я никак не могу потушить этот пожар.

* * *

Весь следующий день проходит медленно. Я специально делаю все долго, чтобы растянуть время и отдалить шесть вечера.

На часах пять сорок пять. Дедушка уже ушел, я ему сказал, что подойду позже, все равно возня с документами касается только взрослых и мы, дети, там не нужны.

– Ну что ты копаешься? Пошли быстрее!

Архип нетерпеливо переминается с ноги на ногу, а я

неспешно копошусь в комод в поисках носков.

– Ищу не рваные... И одинаковые...

Архип отпихивает меня, копается сам.

– Вот, – протягивает он мне целую пару.

Я лезу под кровать, делаю вид, что что-то ищу. Как же я хочу остаться тут, под кроватью!

– Ну, что теперь?

– Ищу рубашку.

– Так вот же она!

Пальцы не слушаются, я две минуты застегиваю одну пуговицу.

– Что с тобой? Ты чего так нервничаешь? – ворчит Архип и сам застегивает на мне рубашку. – Пошли уже, хорош копать!

На улице я иду медленно, нарочно спотыкаюсь. Завязываю шнурки, которые и не думали развязываться.

– Мы опоздаем из-за тебя! Пошли быстрее! – Архип уже сильно злится на меня.

Ох, Архип. То-то еще будет...

Мы стоим перед закрытой дверью в учительскую. Архип подглядывает в щелку слегка приоткрытой двери.

– Ну? Видишь что-нибудь? – интересуюсь я.

– Ага! Вон родители Абрамова! И он туда же... Ну, погоди у меня. Ой! А там твой дедушка... Что он там делает? Его вызвали, да? Уборщица настучала про чертов презерватив? Вот овца... Эй, Кир, ты чего побелел так?

Оторвавшийся от щелки друг смотрит на меня с беспокойством.

Архип, ты же не дурак... Не заставляй меня это говорить. Додумай сам, прошу.

– Кир, ты чего...

Открывается дверь, появляется мой дедушка.

– Заходи, Кирка. Принимай официальное приглашение и пропуск.

Я иду сгорбившись, как на казнь.

– Ты чего такой потухший? Плясать должен от радости! – Дедушка слегка подталкивает меня в спину.

Теперь в учительской все мы – десять счастливчиков, десять изгоев.

Здесь хороший запах – видимо, так пахнет надежда на светлое будущее.

Дверь остается открытой. В проеме я вижу лицо Архипа, когда мне дают пропуск и поздравляют. Это лицо обиженного мальчика, у которого обманом отняли любимую игрушку, глаза ребенка, который все еще надеется, что все это окажется злой обидной шуткой. Через секунду Архип разворачивается и убегает прочь.

Эх... А я до последнего надеялся, что мой друг меня поздравит.

Какой же я наивный дурак.

Мы переходим в новую школу с понедельника. В выходные я не вижу с Архипом, не хожу на баржу. Боюсь попасться ему на глаза.

Все семьи счастливичков наверняка сейчас пекут торты. Дедушка тоже кудахчет на кухне, готовит что-то вкусное. У всех праздник, а у меня траур... Я боюсь представить, что будет в понедельник.

И вот этот день наступает. Мы, новые ученики, собираемся у главного входа в Голубые Холмы, где всегдашняя охрана пропускает только тех, у кого есть пропуск.

Наконец-то этот желтый прямоугольник появился и у меня. Пластиковая карта с моей фотографией и именем и фамилией.

Также здесь те, кто попал в программу в прошлом году, первая десятка. Они держатся поуверенней, смело протягивают охране пропуск. А мы, новички, как котята-потеряшки, мнемся в сторонке, сбившись в кучку, не знаем, что делать.

Мы следуем по очереди за теми, кто уже прошел, так же протягиваем пропуск охране.

Первый раз я официально перехожу границу Чертоги. Переступаю черту и оказываюсь на другой стороне.

Нас ждет школьный автобус. Я ни разу в жизни не бы-

вал внутри школьного автобуса. Здесь все, как в фильмах. Здесь классно. Автобусы, которые ходят по Чертоге, больше похожи на потрепанные скотовозки, а школьный автобус похож на дом. Мягкие кресла, ковровая дорожка в проходе, даже есть туалет, водитель внимательно следит, чтобы каждый пассажир пристегнулся... Мне странно это все.

Здесь, у пропускного пункта – первая остановка. Входим только мы, дети из Чертоги. Автобус везет нас дальше по поселку.

Я рассматриваю яркие домики, чистые дорожки, аккуратные клумбы.

На следующей остановке в автобус заходит ватага мальчишек и девчонок. Мне страшно. Будут ли зашедшие на нас тарашиться? Как они отнесутся к нам?

Я пытаюсь вжаться в кресло. Из-за спинки с любопытством разглядываю новых пассажиров. У одного мальчика – о, боже! – зеленые пряди. Если бы у нас кто так выкрасился, то его бы поколотили и обрили налысо – нечего выделяться. У девочки на голове что-то типа кошачьих ушек. У другого мальчика на ногах красные сандалии и белые носки – вот позор! Кто-то вертит в руках йо-йо – я видел такие штуки в каком-то журнале.

Все дети в одежде разных цветов, они шумные, веселые, быстро переговариваются на неизвестных мне языках.

Я сразу расслабляюсь, уверенный, что меня примут хорошо, ведь они все – разные.

Они отличаются от нас, мои сверстники – намного крупнее и выглядят старше. Они улыбаются нам, и я удивляюсь: в них нет привычной нам злобы и настороженности.

А вот и конечная остановка. С шумом толпа покидает автобус. Я считаю до десяти, глубоко вдыхаю и следую за остальными.

Я вижу мою новую школу: яркое оранжевое здание с большими зеркальными стеклами, перед ним – площадка, выложенная ровными плитками, по бокам – идеальные газоны. Повсюду развеваются флаги разных стран – я насчитал десять штук.

Все школьники галдят, радуются чему-то. Все говорят на разных языках, от этой разноголосицы у меня начинается гудеть голова.

Нас встречает наш куратор, слава богу, он говорит по-русски.

Первое, что меня поражает, когда вхожу в школу: тут не пахнет тухлой капустой и подгорелой кашей. Это странно.

Полдня занимает оформление, затем мы переходим к выбору классов. Это вводит меня в ступор – мы можем выбрать предметы и кружки, которые нам интересны!

Нам устраивают обзорную экскурсию, проводят по всем классам, по спортзалам, по кабинетам для кружков и внеклассных занятий.

Я слушаю куратора и гляжу по сторонам, на учеников и учителей.

То, как они выглядят, это так забавно... Треть из них одета чудно, на них очень странные наряды, как будто они сегодня будут участвовать в конкурсе «Самый нелепый костюм». Треть из них одета хорошо, на них модные молодежные вещи. А еще одна треть... На них одежда хуже, чем у бомжей из Чертоги. Она старая, в дырках и заплатках. При этом ясно, что ученики не бедные, им просто нравится так ходить.

Сразу видно, что в этой школе учитель – это не враг, а друг детям, учиться им интересно. И учителя делают все, чтобы заинтересовать своими предметами.

Здесь все так непривычно. Классы, которые ты выбираешь сам, непонятная система оценочных баллов, семестры вместо привычных нам четвертей, учителя в джинсах и мятых футболках... Все дети из разных стран. Здесь есть немецкие, французские, английские классы. Меня определяют в английский класс – еще бы, что я знаю на немецком, кроме песенки про пастушку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.